

Продолжение мирового бестселлера «ОСТРОВ»,
проданного тиражом более 6 000 000 экземпляров
и переведенного на 40 языков мира!

Виктория Хислоп

Она ждала ночью в алуэсте

Поклонники романа «Остров»...
оценят возвращение в Грецию,
созданную пером Хислоп, —
пахнущую тимьяном и омываемую
волнами Эгейского моря.

The Sunday Times

Цель книги — заставить открыть глаза и задеть сердечные струны...

The Independent

Виктория Хислоп
Однажды ночью в августе
Серия «Азбука-бестселлер»
Серия «Остров», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66431380
Однажды ночью в августе: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2021
ISBN 978-5-389-20133-0*

Аннотация

Спустя пятнадцать лет после того, как увидел свет роман «Остров», Виктория Хислоп возвращается к его героям и воскрешает время, ставшее для нас давним прошлым. В конце 1950-х было создано лекарство от проказы, и на греческом острове Спиналонга у берегов Крита закрылась колония прокаженных. Победа над страшной болезнью означала конец разлуки, которая еще недавно казалась вечной; исцеленные люди наконец смогли обнять своих родных. Это произошло 25 августа 1957 года. Но в разгар праздника внезапно прозвучали выстрелы... Новое горе обрушилось на критян и изменило судьбы многих людей. У кого-то была отнята свобода, кому-то она была дарована вместе с правом трудного выбора: ненавидеть или простить.

Впервые на русском!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	24
Глава 3	34
Глава 4	52
Глава 5	72
Глава 6	87
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Виктория Хислоп

Однажды ночью в августе

*Моей любимой маме Мэри Хэмсон, которой
также был посвящен «Остров»*

28 мая 1927 года – 17 марта 2020 года

Victoria Hislop
ONE AUGUST NIGHT

Copyright © 2020 by Victoria Hislop

This edition is published by arrangement with Curtis Brown
UK and The Van Lear Agency
All rights reserved

© И. Е. Лебедева, перевод, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Хислоп мастерски изображает теплоту Греции и
ее народа... Прекрасно написанная история, которая

очарует читателя.

Daily Express

Эта превосходно рассказанная история подобна искусно сотканному гобелену, в котором важна каждая нить, – и так, нить за нитью, возникает картина, открывающая нам взаимосвязь между прошлым и будущим...

Sunday Express

Ярко, трогательно и увлекательно.

Observer

Эта книга пленяет.

The Times

Это прекрасное чтение, хотя роман и повествует о трудных временах. Захватывающий роман с достоверным историческим фоном и прекрасным сюжетом.

Glamour (UK)

Взгляд на историю в романах Виктории Хислоп – проникновенный и полный сострадания, что присуще и самому автору.

Scotsman

Глава 1

Для многих женщин беременность означает хорошее самочувствие и радостное ожидание, но для Анны Вандулакис¹ эта пора превратилась в череду страданий и приступов тошноты. По настоянию врачей первые три месяца Анна провела в постели, поскольку иного способа сохранить ребенка не было. Эти нескончаемые недели лишили молодую женщину жизненной силы – фарфоровая кожа утратила гладкость, а длинные локоны не только перестали блестеть, но и выпадали горстями.

Как только акушерка подтвердила, что угроза выкидыша миновала, муж Анны Андреас пригласил всех работников поместья выпить лучшего вина прошлого урожая. Более сотни человек собрались перед домом на холмах Элунды, чтобы поднять бокал за будущего ребенка. Появление долгожданного наследника предвкушали все, ведь дальнейшее богатство и процветание обширного поместья, принадлежавшего семье Вандулакис, зависело в том числе и от продолжения рода. Поэтому многие были озабочены тем, чтобы Андреас Вандулакис и его жена Анна поскорее произвели на свет на-

¹ Здесь и далее греческие женские фамилии приводятся в написании автора. Также по воле автора сделаны небольшие изменения в написании греческих имен и названий по сравнению с романом «Остров» (см. Послесловие). – *Здесь и далее примеч. перев.*

следника.

Анна к гостям не вышла. Сквозь кисейные занавески в спальне она наблюдала за тем, как двоюродный брат мужа Манолис прибыл на праздник первым, а ушел последним. Женщина ни на мгновение не отрывала от мужчины глаз и была уверена, что и он постоянно поглядывал в ее сторону. Но даже это не помогло развеять самый большой страх Анны: быть забытой.

Исключая этот эпизод на празднике в честь будущего наследника, Анна за время беременности ни разу не встречалась с Манолисом. Тот, кому она хотела нравиться, не должен видеть ее такой невзрачной! И она злилась на своего еще не родившегося ребенка за то, что он требует от нее таких жертв.

Последние недели перед родами женщина вновь оказалась прикована к постели. Ребенок лежал в утробе неправильно, спиной к позвоночнику матери, и сами роды были болезненными и травматичными. Тощенький младенец уже не казался таким желанным, поскольку кричал почти без остановки и днем и ночью. Измученная Анна в конце концов заявила, что отказывается кормить грудью и им следует поискать кормилицу.

Рождение дочери не уменьшило ненависти Анны к себе. Чуть ли не за одну ночь статная, пышная женщина превратилась в мешок с костями. Ей было невыносимо видеть себя в зеркале, а ведь раньше она часами могла любоваться своим

отражением. Разительная метаморфоза! В нынешней Анне мало кто узнал бы Анну прежнюю, сияющую красотой. Андреаса встревожила подобная перемена в супруге, и он спросил у своей матери: нормально ли это – после родов впадать в острую депрессию? Элефтерии пришлось признать: с невесткой что-то не так. Недавно матерями стали сестры Андреаса, и обе сразу же с упоением погрузились в новые заботы. Элефтерия полагала, что и Анну захватит радость материнства. Пожилую женщину страшно удивило, что невестка отказалась пригласить своего отца взглянуть на новорожденную. Хотя в их доме он не был желанным гостем, Элефтерия находила странным, что Гиоргосу Петракису даже не дали возможности увидеть внучку. Ведь в конце концов, рассуждала женщина, он заслужил немного счастья, учитывая, что младшая дочь Гиоргоса Мария оставалась в лепрозории на Спиналонге – острове, где несколько лет назад скончалась его жена, мать обеих сестер. Однако решение было за Анной, и Элефтерия не собиралась вмешиваться.

Однажды, дней через десять после рождения малышки, Андреас пришел домой немного позже обычного. Он наклонился, чтобы поцеловать жену в щеку, но та привычно отвернулась от мужа.

– Я ходил к священнику, – пояснил Андреас, – договориться насчет крещения.

Анна не стала возражать. Поскольку супруга отказывалась выходить из дому, Андреас был вынужден заниматься

вопросами организации торжества самостоятельно. В семье Вандулакис было принято крестить детей в течение нескольких недель после рождения. Даже небольшое отступление от этих сроков нарушало традицию.

– Я также подумал насчет того, кто должен стать крестным отцом нашей малышки, – сказал он без лишних церемоний, – и считаю, что нам следует пригласить Манолиса. Он наш родственник, и мне кажется, он будет лучшим защитником для нашей дочери.

Конечно, кого еще, кроме Манолиса, могли они выбрать на роль *ноноса*², ведь ни у Анны, ни у Андреаса не было близких друзей. Однако женщина в глубине души радовалась, что не сама предложила его кандидатуру.

– Прекрасная идея, – отозвалась Анна. – Спросишь у него завтра?

И Андреас впервые за много месяцев увидел на лице своей жены улыбку.

Той ночью Анна впервые за долгое время заставила себя посмотреть в зеркало – и в ужасе отпрянула. Ее кожа была сухой и болезненно-желтоватой, под глазами залегли лиловые тени. Волосы, которыми она когда-то так гордилась, стали тонкими и безжизненными. А куда подевалась роскошная фигура?! Анна испытала настоящий шок от увиденного, но теперь, когда у нее появился стимул, решила вернуть себе восторженные взгляды окружающих, доставлявшие ей ни

² *Нонос* – крестный отец.

с чем не сравнимое удовольствие, — взгляды, которые поднимали ее на пьедестал внимания и восхищения. Крещение станет для нее отличным поводом наконец-то выйти в свет, а также впервые за много месяцев увидеться с Манолисом.

Эти мысли так взбудоражили Анну, что она немедленно взялась за себя: начала лучше питаться, больше гулять на свежем воздухе, пользоваться кремами для лица и втирать оливковое масло в волосы, чтобы они снова стали блестящими и шелковистыми. Кроме того, Анна пригласила к себе в дом портного: сшить новое платье к предстоящему торжеству.

Как только Анна опять начала крутиться перед зеркалом, вместо того чтобы отворачиваться от него, женское тщеславие сполна вернулось к ней. Хотя она все еще оставалась сравнительно худой, ее грудь обрела округлость и прекрасно контрастировала с более тонкой, чем прежде, талией.

Анна с головой погрузилась в практические приготовления к крещению: она продумывала угощение, различные наряды для малышки, подарки для гостей, подбирала цветы и музыку. Крестины должны были стать грандиозным событием. На службу в церковь Элунды пригласили огромное количество гостей, а на торжества после крестин — и того больше.

Конец сентября Анна встретила во всеоружии. Она была воодушевлена и взволнована. Новое платье из малинового шелка подчеркивало ее фигуру и льстило вновь обретенным формам.

Чета Вандулакис вместе с малышкой прибыла в церковь, уже полную гостей. В первых рядах сидели остальные Вандулакисы. Глава семьи Александрос держался прямо и с достоинством. Элефтерия, его жена, элегантная и сдержанная, не выказывала никаких эмоций даже сегодня, в этот особенный для ее внучки день. Ольга, старшая из двух сестер Андреаса, вместе со своим мужем Лефтерисом пыталась успокоить своих четверых непослушных отпрысков. Ирины, младшая сестра Андреаса, с двухлетней дочкой на коленях, нервно оглядывалась в поисках мужа – в конце концов тот появился, когда прошла добрая половина службы.

Среди гостей также были многочисленные юристы, работавшие на Вандулакисов, банкиры, управлявшие деньгами этой состоятельной семьи, а также мэры и члены городского совета Элунды, Айос-Николаоса и Неаполи. Все они выглядели весьма официально: мужчины пришли в костюмах, а женщины – в сшитых на заказ платьях. Кроме того, на крестинах присутствовали работники поместья, управляющие, поставщики сельхозтехники, скота и прочего. Все они стояли позади почетных гостей, и обе группы людей разделяла почти видимая постороннему взгляду граница – настолько они различались. У первых одежда была сшита из тонкой ткани высокого качества, вторые же явились в костюмах более простого кроя, из грубоватой материи.

Лишь один член семьи Вандулакис оживленно беседовал как с женами банкиров, так и с работниками поместья. Это

был крестный отец новорожденной.

Как только Анна вошла в церковь, все взгляды устремились на нее.

– *Панагия му*, Матерь Божия, – прикрыв рот рукой, прошептала Ольга на ухо сестре, – что это на ней надето?

– Поверить не могу! – Ирины была потрясена нарядом невестки не меньше сестры.

– Ярко-красный на крестинах? Не слишком ли вульгарно? – возмущалась Ольга.

– Согласна, это перебор, – кивнула Ирины. – Впрочем, вполне в духе Анны...

Малиновый очень шел молодой женщине. Она выглядела в новом платье потрясающе и знала это. Столь яркий и насыщенный цвет создавал вызывающий контраст с ее бледной кожей и волосами оттенка темного шоколада, а вишневая помада, которая подходила далеко не многим женщинам, была смелым акцентом, завершающим образ.

И хотя все взгляды были устремлены на Анну, она не замечала никого, кроме Манолиса. Они давно не виделись, и долгожданная встреча привела обоих в возбуждение. Манолис не мог оторвать восторженного взгляда от своей невестки.

– Анна, думаю, обычай требует... – прервал этот безмолвный диалог Андреас, протягивая своей супруге небольшой белый сверток.

Она, не обращая на мужа ровным счетом никакого вни-

мания, смотрела куда-то вдаль.

– Анна? – позвал Андреас и раздраженно повторил: – Анна!

Ноги ее так тряслись, что она едва могла стоять. Вздвигнув, молодая женщина повернулась к мужу и взяла у него дочь. К ним приблизился Манолис – вскоре ему предстояло стать самой важной после родителей фигурой в жизни этой малышки. Он наклонился, чтобы поцеловать свою будущую крестницу в щеку.

Анна судорожно втянула ноздрями воздух, вдыхая его запах. Мыло? Полевые травы? Любимый Манолисом сорт табака? Если бы ее руки были свободны, она бы непременно запустила пальцы в его волосы. Однако на сей момент хватало и легкого прикосновения его рукава к ее обнаженному локтю.

Краем глаза Анна заметила, как Манолис пожирает ее взглядом, не в силах сдержать восхищение.

– Думаю, пора, – нетерпеливо сказал Андреас. – Нас ждут.

Священник, в богато украшенной золотом ризе и высокой митре с искусной вышивкой, ждал у купели. Внушительная борода доходила ему почти до пояса. В руках священник держал золотой посох. Два диакона в более скромном облачении стояли по обе стороны от него и терялись на фоне величественной высокой фигуры настоятеля.

Трое главных участников церемонии двинулись по проходу. Анна в своем ярко-малиновом платье походила на цветущую

щую розу, по сторонам от нее шествовали двое статных, аристократического вида мужчин в темных костюмах. И прежде отличавшиеся невероятным сходством, сегодня Андреас и Манолис казались зеркальным отражением друг друга.

Закутанный в белое кружево ребенок мирно посапывал на руках у Анны, пребывая в счастливом неведении относительно предстоящего испытания. Однако оно не замедлило начаться: малышку распеленали, обмазали освященным маслом, затем трижды окунули в купель, срезали с головы несколько прядок... После этого девочку вновь запеленали и, держа ее на руках, трижды совершили обход вокруг купели в мерцающем свете свечей. Голоса певчих, странные запахи, незнакомые лица и чужие руки были пугающими для малышки, что уж говорить о самом обряде крещения.

София не переставая плакала всю первую часть церемонии, поэтому гости смогли расслышать разве что отдельные фразы из литургии. Девочка замолчала лишь в тот момент, когда Манолис надел на нее красивый золотой крестик – первый подарок крестного отца своей подопечной.

Анна не смогла сдержать улыбку. «Возможно, София тоже любит красивые украшения, – подумала она. – Совсем как я сама». Женщина надеялась, что Манолис заметил в ее ушах серьги – он подарил их ей на именины.

По традиции оставшуюся часть церемонии младенец проводит на руках у крестного отца. София больше не плакала, лежала смирно и не сводила глаз со своего *ноноса*, пока свя-

щенник перебрасывал через плечо Манолиса белоснежную ленту, завязав ее узлом, чтобы создать символический круг, соединяющий мужчину и младенца.

Обряд крещения занял не более полутора часов, после чего огромная толпа гостей вышла через большую двустворчатую дверь церкви на яркий солнечный свет. Всем хотелось поскорее покинуть душный храм и поздравить молодых родителей. Многие видели Софию впервые, и особенно не терпелось рассмотреть малышку поближе женской половине собравшихся. Они сгрудились вокруг Манолиса, который с гордостью держал ребенка на руках, не спуская с него восторженного взгляда.

– Карие глаза ей точно достались от отца, – утверждали некоторые из гостей.

– А волосы – от матери, – подхватывали другие.

– Да, кудри точь-в-точь как у Анны, – соглашались третьи.

– Она просто прелесть!

– Красотка, не то слово!

– Идеальный ребенок!

– Тьфу-тьфу-тьфу! – отвечал на это Манолис, поскольку считалось, что любой комплимент мог привлечь внимание дьявола, которого нужно было отвадить именно таким ответом.

Стоя в сторонке и уговаривая своего отца пойти с ними и выпить за здоровье внучки, Анна исподволь наблюдала за Манолисом. Гиоргос отказывался от приглашения, поскольку

ку всегда неловко чувствовал себя в присутствии Вандулаки-сов. И дело было не только в разном социальном положении обеих семей. Несколько лет назад супруга Гиоргоса Элени скончалась от проказы на острове Спиналонга. Петракисы никогда не упоминали об этом при Вандулакисах. Однако, когда ту же болезнь обнаружили у Марии, младшей сестры Анны, и девушка была вынуждена поселиться на Спиналонге, правда выплыла наружу. И хотя ради собственного достоинства и чести Вандулакисам пришлось пойти на уступки в отношении Анны, оставив молодую женщину в семье, свое презрение к ее отцу они скрывать не собирались и старались держаться от Гиоргоса как можно дальше.

Как только Гиоргос согласился ненадолго присоединиться к празднику, Анна просияла и тут же отошла прочь, готовая ехать домой.

Однако перед отъездом молодых родителей фотограф попросил их попозировать вместе с крестным на ступенях церкви для торжественного снимка на память. Анна, держа малышку на руках, встала между Андреасом и Манолисом. После фотосессии Андреас отвез Анну с Софией обратно в их имение, расположенное на высоких холмах Элунды. Из просторного и светлого дома, возведенного среди оливковых рощ, открывался вид на земельные владения семьи Вандулакис, насчитывавшие несколько тысяч акров. И то была лишь небольшая часть их богатства.

С момента переезда к мужу Анна внесла значительные из-

менения не только в обстановку комнат, но и во внешний вид дома. Так, перед ним появилась терраса, на которой сегодня стояли стройные ряды столов, украшенных цветами и ломившихся от угощения. В центре каждого стола красовались бутылки с вином и крепким напитком раки. Под соседними деревьями команда поваров жарила на вертеле молодого козленка.

Вскоре начали прибывать первые гости. Они, никого не стесняясь, тут же принялись щедро наливать себе вина и накладывать на тарелки готовые закуски. Большинство присутствующих связывали с Вандулакисами деловые отношения, и складывалось впечатление, что они заслужили такое богатое угощение.

Вернувшись из церкви, Анна передала ребенка няне. София мирно спала, и будить малышку не было никакой необходимости – оставшаяся часть дня не требовала ее присутствия.

Гиоргос прибыл на праздник в числе последних и нервно оглядывал толпу в поисках хотя бы одного знакомого лица. Тут-то его и заметили брат и сестра Ангелопулосы – Фотини была лучшей подругой младшей дочери Гиоргоса, Антонис работал в поместье Вандулакисов.

Лицо старика просветлело при виде молодых людей, идущих ему навстречу. Гиоргос частенько встречал Фотини, поскольку та работала в одной из таверн их родной Плаки, а вот Антониса он видел впервые за долгое время.

– Как поживаете? – искренне поинтересовался Гиоргос. – Вы оба так хороши, даже лучше прежнего!

– Да уж, – скептически ответила Фотини, ткнув брата в бок, – кое-кто даже слишком хорош, и добром это не кончится.

Антонис, без сомнения, был самым красивым мужчиной среди собравшихся. Его миндалевидные карие глаза восхищали всех без исключения еще с той поры, когда он мальчишкой бегал по деревне.

– И все никак не угомонится! – поддразнила брата сестра. – Это вполне могли быть крестины твоего первенца, но, похоже, девушки тебя совсем не интересуют.

– Фотини, ты же знаешь, что это не так, – добродушно возразил Антонис. – Просто я еще не встретил ту самую.

– Хорошая девушка стоит того, чтобы ждать, – понимающе закивал Гиоргос. – Недаром говорят: женился на скорую руку да на долгую муку.

Затем мужчины принялись обсуждать работу Антониса в поместье. Работа эта была не из легких, однако молодой человек хорошо справлялся с нею. Во время немецкой оккупации он храбро сражался в рядах Сопротивления и вернулся домой крепким и выносливым мужчиной. К физическому труду Антонису было не привыкать, и такая работа превратила его в настоящего красавца.

Вскоре к беседующим присоединился Манолис. За последние несколько лет они с Антонисом крепко сдружились

и теперь стали неразлейвода. Поначалу Антонис относился к двоюродному брату хозяина с осторожностью, но в конце концов молодые люди обнаружили, что у них много общего, в том числе – страсть к музыке. Они часто играли вместе: Антонис – на деревянной флейте *тиаболи*, а Манолис – на лире.

Гиоргос поздравил новоиспеченного *ноноса*. Как и многим гостям церемонии, Гиоргосу казалось странным столь поразительное сходство двоюродных братьев. Оба были одинакового роста, под два метра, и сильно выделялись на фоне довольно низкорослых жителей Крита. У обоих высокие скулы, густые темные волосы. Возможно, нижняя челюсть у Андреаса была слегка тяжелее, но не эта особенность позволяла окружающим легко различать братьев. Шалопай и весельчак, Манолис постоянно хохотал и улыбался, и вокруг глаз у него легли глубокие морщинки. Андреас же был довольно суров и угрюм, и будто под тяжестью невеселых мыслей его плечи слегка сутулились.

Вскоре начались танцы, и сперва музыканты заиграли *сиганос*, плавный и легкий танец, участвовать в котором могли как мужчины, так и женщины. На террасе дома Вандулакисов было достаточно места для того, чтобы сотня человек встала в круг. Как только первый круг составил, внутри его тут же образовался второй круг, а затем еще один и еще, пока не получилось четыре концентрических круга.

В оркестре играли десять музыкантов: двое – на лире,

трое – на лютне *лауто*, еще двое – на гитаре и по одному – на скрипке, барабане и мандолине. Нежные и ритмичные звуки зачаровывали. *Сиганос* является медленным вступлением к другому греческому танцу, *пентозалису*, сложную схему которого знали на Крите даже дети. Едва заслышав знакомую мелодию, они переставали беситься и вставали в круг ко взрослым, уверенно повторяя все движения, будто выучили их еще в утробе матери.

Как только большинство гостей увлеклись танцем, Гиоргос воспользовался моментом, чтобы уйти. Он вежливо попрощался с Вандулакисами и незамеченным покинул праздник.

В какой-то момент по просьбе Антониса Манолис отправился к своему грузовику за лирой. Вернувшись к гостям, он сел, взял в левую руку изящный инструмент, а в правую – смычок. Лира казалась такой маленькой в больших руках Манолиса, однако звук ее был громким и глубоким, и искусную мелодию не могло заглушить даже бречание *лауто*. Темп музыки все убыстрялся, но Манолис не делал пауз, продолжая играть на своем трехструнном инструменте целый час или даже больше.

Лире Манолиса вторили остальные инструменты оркестра. Казалось, у музыкантов открылось второе дыхание. Музыка плыла над толпой гостей, словно искала убежища в окружающих холмах. Взгляд Манолиса был устремлен куда-то вдаль. Хотя он сидел в самом конце ряда, именно к

нему было приковано внимание слушателей и именно его мелодия задавала тон оркестру.

Около десяти часов перед гостями выступил известный певец. Это выступление стало важнейшим событием вечера и привнесло в праздник то, что называют греческим словом *кефи*, – дух неистовой радости.

А под конец вечера Манолис станцевал перед всеми *зейбекико*. От искусных пируэтов танцора невозможно было оторвать глаз. И хотя *зейбекико*, по сути, выражает душевную боль, Манолис, скорее, просто хвастался перед зрителями своим умением красиво двигаться.

Андреас же большую часть вечера провел в разговорах с родными и близкими, благодаря их за то, что пришли, и за то, какие подарки они приготовили для его дочери. Время от времени он искал глазами жену и замечал, что та улыбается. Впервые за год без малого Андреас видел Анну счастливой и расслабленной. «Наконец-то, – мелькнуло у него в голове, – она становится прежней».

Как только зазвучала новая мелодия, Анна присоединилась к танцующим, и Андреас потерял ее из виду. Иногда в толпе мелькало ее малиновое платье. Наконец, подчиняясь танцевальному ритму, женщина оказалась почти напротив своего супруга, и он смог разглядеть ее лицо. На нем по-прежнему сияла улыбка, а сама Анна, казалось, была полностью захвачена танцем.

Чтобы прийти в себя после столь роскошного праздника, или *гленди*, гостям потребовалось несколько дней. Приближалась осень, и работы в поместье становилось с каждым днем все больше, однако люди никак не могли настроиться на рабочий лад.

— Хозяин сам виноват, — пожаловался как-то Антонис своему лучшему другу. — Раки на крестинах было больше, чем воды.

— Уверен, это не помешало нам выпить все до последней капли, — засмеялся в ответ Манолис. — Однако сбор урожая вряд ли получится отложить.

Спустя несколько недель после крестин Софии начался сбор винограда. Виноград перебродит — и получится вино, источник нескончаемого веселья на всем острове.

Разговор происходил в одном из *кафенио*³ Плаки. Под конец рабочего дня Манолис заглянул сюда, чтобы повесить свою лиру на стену за стойкой бара, где она хранилась. Бывало, по многочисленным просьбам своих друзей Манолис снимал инструмент с крючка и начинал играть. «Лира — моя единственная любовь», — часто шутил он.

Танцуя с Манолисом на празднике в честь крещения до-

³ *Кафенио* — традиционная греческая кофейня, кафе.

чери, Анна ощутила жгучее желание снова быть с ним. Его стройная фигура, энергия, с которой он танцевал и играл на лире, пробудили в ней страсть. Молодая женщина стала мечтать о том, чтобы вновь оказаться с Манолисом наедине, и через пару дней ее желание осуществилось.

Это произошло, когда няня Софии вышла с девочкой на прогулку, оставив Анну в доме одну. Несколько дней после крестин малышка вела себя беспокойно, и покачивание колыски успокаивало и убаюкивало ее.

Анна еще никогда не отдавалась Манолису с таким пылом. День был жарким, и окна во всем доме были распахнуты настежь, поэтому Манолису пришлось зажать Анне рот рукой, чтобы заглушить ее стоны. В их занятиях любовью всегда присутствовала толика насилия. От избытка чувств молодая женщина впилась зубами в пальцы возлюбленного.

– Анна! – вырвалось у него.

Она в последний раз резко охнула, не сумев сдержаться, и Манолис застонал от удовольствия.

Некоторое время они оба лежали неподвижно, не в силах пошевелиться. Смятые простыни под ними были мокрыми от пота. Манолис принялся наматывать на свой палец один из темных локонов Анны. Женщина повернула к мужчине голову.

– Я не могу жить без тебя, – прошептала она едва слышно.

– И не нужно, *агапе му*, любовь моя, – тихо ответил он.

Глава 2

Весь следующий год Анна и Манолис продолжали встречаться не реже нескольких раз в неделю. Как крестный отец их дочери, Манолис мог бывать у Вандулакисов, когда ему вздумается. София была идеальным предлогом для визитов, хотя большинство из них выпадало на ее ежедневную послеобеденную прогулку. Манолис также был в курсе отъездов Андреаса в Ситию или Ираклион, и это позволяло ему планировать их с Анной встречи более тщательно.

Анна жила сегодняшним днем. Правда, иногда она думала о том, как пройдут два-три дня до следующего свидания с Манолисом, но ее совершенно не волновало, что будет с ними через месяц или через год. Анна знала лишь то, что никогда не чувствовала себя счастливее, чем сейчас.

Как-то раз Анна сидела в своей комнате и листала журнал, тихонько напевая себе под нос. Экономка, кирия⁴ Василакис, в это время занималась полировкой мебели. Анна рассматривала в журнале осеннюю коллекцию одежды, потому что сегодня днем к ней должен был приехать портной – снять мерки для новых нарядов. В моде были пышные юбки с завышенной талией, и Анна была уверена, что такой фасон непременно ей пойдет. Планировалось, что портной приве-

⁴ Кирия – госпожа; кирие – господин.

зет образцы тканей, и Анна хотела заказать три новых платья одинакового фасона.

Она перегнулась через спинку кресла, чтобы показать экономке одну из фотографий в журнале.

– О, вам такой фасон будет очень к лицу, кирия Анна! – воскликнула экономка, вторя мыслям своей хозяйки. – С каждым днем вы выглядите все лучше и лучше!

То, что щеки Анны вновь сияли здоровым румянцем, а к ее волосам вернулся прежний блеск, действительно замечали многие. Сейчас молодая женщина выглядела даже красивее, чем до беременности.

– Доктора сегодня, конечно, творят чудеса, но если спросите меня, отвечу, что вас кто-то сглазил, – простодушно пояснила экономка.

Анну слегка раздражали доморощенная мудрость и суеверность ее экономки. Кирия Васиلاكис свято верила в способность одного человека околдовать другого – как правило, из ревности, – то есть навести на него порчу. По ее мнению, все люди нуждались в защите от *мати* – сглаза. Она сама никогда не выходила из дома без *назара*⁵, считая, что этот амулет защитит ее от всех бед и болезней.

Говорить о здоровье экономка могла часами и потому продолжила:

– Современной медицине подвластно многое, хотя далеко

⁵ *Назар* – распространенный амулет от сглаза в виде синей плоской бусины со зрачком.

не все.

Анна вернулась к своему журналу. Ей претили разговоры о лечебных травах и всевозможных человеческих болячках. Чтобы точно понять, чего она хочет, ей предстояло изучить все эти новомодные плиссе, складки и вырезы, и болтовня экономки мешала молодой женщине сосредоточиться.

– Но вот с чем наши доктора никогда не устанут бороться, – заявила кирия Васиلاكис, – так это с проказой. Все никак не уймутся – ищут и ищут лекарство от этой заразы...

Анна громко вздохнула, выказывая нетерпение. Ей хотелось, чтобы экономка поскорее ушла.

– Поговаривают, будто в этом деле они достигли прогресса! Кто бы мог подумать, а? Люди умирали от проказы тысячи лет, а теперь будто бы нашлось от нее лекарство!

У Анны на мгновение перехватило дыхание. Ее сердце сжалось в груди. Молодая женщина сидела неподвижно, продолжая сжимать повлажневшими ладонями несчастный журнал, пока ее пальцы не начали судорожно комкать страницы.

– Конечно, даже я понимаю, что не все можно вылечить травами. Веками люди пытались победить проказу то змеиным маслом, то экстрактом опунции и еще бог знает чем... Но все было напрасно. Поэтому здорово, что наши прекрасные доктора не сдавались, правда? Все продолжали искать лекарство...

Мебель в комнате уже давно была тщательно натерта пче-

линым воском. Кирия Васиلاكис любила, чтобы в доме все блестело как зеркало. В завершение уборки она стряхнула перьевой метелкой пыль со старинных часов, расправила кружевную накидку на комод и взбила несколько подушек. Анна так и сидела, не в силах пошевелиться.

– Может быть, вам что-нибудь принести, кирия Анна? – участливо спросила экономка. – Если я вам здесь больше не нужна, то, пожалуй, займусь обедом. А коврики вытряхну потом.

Анна покачала головой. Она желала одного: пусть эта женщина, настоящее исчадие ада, наконец заткнется и уйдет. В раздражении бросив журнал на столик, Анна обхватила себя за плечи и попыталась унять дрожь.

Слова экономки никак не шли у нее из головы. Открытие лекарства от проказы было худшим кошмаром Анны. Оно означало возвращение ее сестры Марии со Спиналонги.

Манолис, которого Анна любила всем своим существом, когда-то был помолвлен с Марией, и Анну охватил ужас при мысли о том, что ее роман может скоро закончиться.

Когда прибыли портной со своим помощником – они встали ни свет ни заря, чтобы успеть на автобус из Ираклиона, – им передали, что хозяйке нездоровится и она не в состоянии их принять. Молодая женщина сообщила экономке, что у нее мигрень, и заперлась в своей комнате, задернув шторы на окнах.

Целые сутки Анна провалялась в постели, терзаясь тем,

что рассказала ей экономка, однако поздним утром следующего дня вспомнила, что нынче обещал зайти Манолис. Мысль о его приходе заставила Анну встать с кровати.

Она надела нарядное платье, любимое ожерелье и парные к нему серьги, тщательно накрашилась, кончиками пальцев нанесла духи на шею и спустилась по лестнице. В доме стояла такая тишина, что было отчетливо слышно, как тикают часы. Няня с Софией ушли на прогулку, а экономка взяла выходной.

Анна взяла с кухонного стола газету и пробежалась глазами по заголовкам первой полосы. Газета лежала на столе для Андреаса – первым делом по возвращении из поместья он всегда читал свежую прессу. Андреас был человеком привычки. Анна не нашла в газете ничего интересного: бензин снова подорожал; скончался какой-то политик, о котором она никогда прежде не слышала; на каких-то островах к северу от Крита зафиксировали землетрясение.

Анна поставила на стол два стакана и кувшин лимонада, приготовленного кирией Васиلاكис. А затем опустилась на стул и стала ждать. Ей показалось, что прошла целая вечность после того, как часы пробили два. Наконец она услышала, как щелкнул засов на двери.

Раздраженная тем, что Манолис пришел на семь минут позже назначенного времени, Анна не вышла ему навстречу и осталась сидеть за столом. Вместо того чтобы радостно вскочить и побежать навстречу гостю, молодая женщина по-

вернулась спиной к двери.

Для Манолиса такие капризы не были в новинку. Он никогда не придавал им особого значения, потому что обычно умел легко развеять дурное настроение своей любовницы.

— *Калимера, agape mu*, — весело поздоровался он, но ответа не последовало.

Анна усиленно делала вид, что читает газету, а Манолис тем временем украдкой вытащил цветок из вазы на буфете.

Анна почувствовала, как нежные лепестки цветка щеко-чут затылок, однако осталась неподвижно сидеть за столом с газетой в руках. Но когда Манолис наклонился вперед, чтобы вставить цветок в вырез платья Анны, и легонько коснулся пальцами ее шеи, женщина сдалась и резко обернулась.

Когда в тот день они с Манолисом занимались любовью, Анна реагировала на каждое его прикосновение особенно остро. Мысли о возвращении сестры заставляли ее вести себя даже более агрессивно, чем обычно. В какой-то момент Анна впилась ногтями в спину Манолиса, расцарапав его кожу чуть ли не до крови.

Некоторое время они лежали неподвижно. Рука Анны мирно покоилась на груди возлюбленного. Но через несколько минут женщину охватила новая волна страха. Не в силах больше держать это в себе, она рассказала Манолису все, что узнала от экономки.

— Думаешь, это ни на что не повлияет? — в который раз спрашивала Анна. Слухи о новом лекарстве от проказы вы-

звали у нее беспокойство, которое она не могла развеять.

– Что ты имеешь в виду, *моро му*, малышка моя?

– Ты знаешь, что я имею в виду! Все изменится, если они... если они вернутся.

Манолис наконец понял, что именно тревожило Анну. Все изменится, если вернутся не *они*, а *она*. Ее сестра.

Слухи о том, что лекарство от проказы должны вот-вот найти, ходили уже давно. Однако сейчас начали поговаривать уже о том, что вскоре даже самые искалеченные болезнью смогут вернуться к обычной жизни. Но мысли Анны наверняка были заняты лишь одним человеком из сотен прокаженных. Манолис тоже иногда вспоминал о Марии, но никогда не задумывался о том, как ее возвращение с острова может повлиять на его жизнь. Он был уверен, что все отношения между ним и сестрой Анны закончились, когда она уехала на Спиналонгу, хотя официально их помолвка и не была расторгнута.

Манолис резко притянул Анну к себе и страстно поцеловал в губы. Он почувствовал, как тут же все ее тело расслабилось.

– Пообещай мне, что больше не станешь волноваться, – мягко сказал он. – Между нами все останется как прежде. Крестный отец твоей малышки никуда не денется.

– Отец... моей малышки?.. – откликнулась Анна.

– Как знать? – прервал ее Манолис. – В одном я уверен твердо: она моя маленькая крестница, а я ее духовный отец.

И только это по-настоящему важно.

Хотя они и пытались быть осторожными во время секса, оба знали, что отцом ребенка мог быть как Андреас, так и Манолис. Ребенок походил на обоих мужчин, что было вполне естественно, ведь и Манолис с Андреасом были похожи как две капли воды. Манолис время от времени размышлял над этим вопросом, но предпочитал на нем сильно не заикливаться. Анна же, со своей стороны, лелеяла мысль, что отцом ребенка был ее любовник.

Манолис заверил Анну, что, даже если Мария когда-нибудь вернется, их отношения вряд ли возобновятся. Было совершенно немыслимо, чтобы он женился на бывшей прокаженной.

Он снова притянул к себе Анну, и они занялись любовью еще более неистово, чем в первый раз. И только громкий, настойчивый плач Софии, которую няня, вернувшись с прогулки, доставала из коляски, заставил любовников прерваться.

Мужчина тут же вскочил с кровати и поспешно оделся. Некоторое время он постоял у двери, прислушиваясь, а затем, оглянувшись через плечо, улыбнулся своей любовнице, чье нагое безупречное тело простерлось в смятых простынях на кровати.

Анна томно поднесла руку к губам и послала своему возлюбленному воздушный поцелуй.

После этого Манолис повернулся, поднял свои пыльные

ботинки с пола и вскоре покинул дом Вандулакисов, спустившись по черной лестнице.

Анна еще немного понежилась в кровати, затем встала, умылась и надела свежее белье. Все знали, что Анна Вандулакис любила днем ненадолго вздремнуть, поэтому слугам не велено было беспокоить хозяйку. Анна расправила простыни на кровати и, взбивая подушки, заметила на одной из них крошечное пятнышко крови Манолиса. Анна сняла наволочку с подушки, бросила ее в корзину для белья и достала из ящика новую.

* * *

Шли месяцы. Анна была требовательной, страстной и пылкой – перед такой триадой Манолис не мог устоять. Ее чувства обострял все возрастающий ужас при мысли о том, что вскоре может появиться лекарство от проказы. Как бы ни утешал ее Манолис, Анна очень боялась возвращения Марии с острова. Страх и ярость в ней клокотали все сильнее, делая ее настроение переменчивым, а поступки – не вполне разумными. Во время визитов Манолиса она не переживала о том, закрыты ли ставни ее окон, а после его ухода не слишком торопилась заправить простыни. Как будто в глубине души Анна хотела, чтобы о ее измене все узнали.

Что будет, если – и это по-прежнему было «если», а не «когда» – Мария вернется со Спиналонги? Анна повторяла

этот вопрос из раза в раз, и Манолис уже отчаялся убедить ее в том, что на их отношения возвращение ее сестры никак не повлияет. Он никогда не променяет ее на Марию. Сама мысль об этом была смехотворной. Однако опасения лишь множились внутри Анны, как червяки после дождя.

Манолису пришлось смириться с постоянными разговорами на эту тему. Обычно он умел каким-то волшебным образом воздействовать на Анну, но здесь его магия была бессильна.

Глава 3

Летним вечером Манолис сидел на террасе *кафенио* в Плаке, наслаждаясь вторым графинчиком раки и любуясь видом на залив. И хотя отсюда было хорошо видно Спиналону, остров не сильно занимал его мысли.

Тут он заметил приближающуюся к берегу лодку Гиоргоса. Она скользила по поверхности моря, оставляя за собой завораживающий узор из ряби, ровный, словно борозда на вспаханном поле.

Манолис видел, как Гиоргос причалил к берегу, привязал лодку и стал подниматься по склону в деревню. Молодой человек часто угощал пожилого Петракиса выпивкой – он любил поболтать со стариком. Гиоргос был человеком сдержанным и молчаливым, но сегодня чувства явно переполняли старого рыбака – он чуть ли не подпрыгивал на ходу.

– Слышал последние новости? – вместо приветствия спросил он.

Манолис сразу понял, о каких именно новостях говорит Гиоргос. Он кивнул и жестом пригласил старика выпить с ним раки. Мужчины подняли стаканы.

Манолису вдруг вспомнился вечер, когда Гиоргос разыскивал его, чтобы сообщить ужасную новость о болезни Марии, и пришел к нему в бар. Как бледен был тогда старик Петракис, как сутулились его плечи и бегали глаза, словно он

боялся встретиться взглядом с Манолисом. Думая об этом сейчас, Манолис осознал, что почти ничего в тот момент не чувствовал, кроме жалости к старику. Ему правда было жаль не себя, а Гиоргоса.

Манолису всегда казалось, что когда-то он любил Марию, однако в последние месяцы у него было достаточно времени, чтобы разобраться в своих чувствах. Вне всякого сомнения, девушка сильно отличалась от всех, кого он когда-либо знал, и особенно привлекала его чистота Марии. Точнее, его манила мысль о том, что именно ему предстоит лишиться девушку девственности, вот почему, когда Мария исчезла из жизни Манолиса, он был скорее опечален, нежели подавлен. Видно, им просто не судьба быть вместе.

Теперь ему припоминалось, что тогда он даже испытал своего рода облегчение. Он никогда не мог представить себе, как просыпается изо дня в день рядом с одним и тем же человеком. Это стало бы началом чего-то нового и его концом одновременно.

Однако главным в его отношениях с Марией – и в этом ему было трудно признаться даже самому себе – было то, что они доводили ее сестру почти до иступления. Мысль о том, что Анну медленно, но верно пожирает ревность, всегда поднимала Манолису настроение и придавала еще больше страсти их и без того жарким свиданиям.

Очнувшись от своих мыслей, молодой человек понял, что Гиоргос все это время что-то говорил. Они коротко обсуди-

ли новости о возможном излечении проказы.

— Будем надеяться, что новое лекарство окажется действенным.

С этими словами старик поднялся из-за стола. Это было так похоже на него — он не любил расслаиваться.

Жара в это время года не спадала даже к вечеру, поэтому Манолис, как обычно, пошел к скалам, разделся и прыгнул в море. Не дав волосам как следует высохнуть, он отправился домой, чувствуя на своей коже тонкий слой морской соли.

Дни становились все жарче. Это особенно остро ощущалось из-за полного штиля. Море и небо сливались в единую зеркальную поверхность, окаймленную неподвижными деревьями.

В конце недели Манолис получил от Андреаса приглашение на званый обед. Все Вандулакисы, включая семьи Ольги и Ирины, собрались, чтобы отметить именины старшей из сестер Андреаса. Мероприятие обещало быть шумным.

В то время как взрослые решили немного выпить перед обедом, трое сыновей Ольги, старшему из которых еще не исполнилось и семи лет, принялись носиться вверх-вниз по лестнице и взад-вперед по коридорам. Старший притворялся турком и гонялся за двумя младшими, размахивая деревянным мечом, который принес с собой. Как только оба противника оказывались «убиты», игра начиналась заново. Единственным, что старший сын Ольги знал об истории своей страны, был тот факт, что после ряда отчаянных сраже-

ний она получила освобождение от почти четырехсотлетнего турецкого владычества. И все развлечения братьев в той или иной степени обыгрывали этот сюжет.

Четырехлетние дочери Ольги и Ирины весело играли вместе на коврике. Им разрешалось не только занимать себя игрушками, но и вовлекать в свои игры Софию. Особенно девочкам нравилось заплетать малышке волосы.

Живая куколка была гораздо интереснее обычных кукол, с их фарфоровыми лицами и странными, будто застывшими, глазами. Пока родителям было не до них, сестры чересчур увлеклись игрой, в результате чего София расплакалась, а «большие» девочки стали капризничать. На шум прибежала няня Софии и забрала малышку с собой, решив, что той пора в кроватку. Старших же девочек пришлось отшлепать, что вызвало новую волну слез.

Несмотря на возникшую суматоху, Манолис находил очаровательным то, как Анна вела себя с ним на глазах у остальных членов семьи. Он знал, что она находила ситуацию неловкой, и его это страшно забавляло.

По традиции в честь праздника все были одеты очень торжественно: Александрос и двое его зятьев облачились в костюмы, а женщины – в свои лучшие вечерние наряды. На Манолисе была ослепительно-белая рубашка, а на Анне – изумрудно-зеленое шелковое платье. Молодой человек часенько искал взглядом свою любовницу – ревность была ей чрезвычайно к лицу.

К тому времени, когда все уселись за стол, нервы Анны были на пределе. Не столько из-за хныканья девочек и визга мальчиков, сколько из-за слухов о том, что лекарство от проказы наконец-то найдено.

И даже Манолису в тот вечер тоже было немного не по себе. Работники часто узнавали последние новости первыми, и молодой человек понимал, что Андреас обладает той же информацией, что и он сам. Слухи расходятся быстро, и, как правило, все были в курсе событий еще до того, как о них печатали газеты.

Поэтому, видя, как его кузен расправляет на коленях салфетку и собирается что-то сказать, Манолис затаил дыхание. Он знал, что за этим последует.

– Кажется, они наконец-то добились прогресса! – объявил Андреас. – Скоро прокаженных начнут отправлять домой. Некоторые из них уже полностью излечились.

Анна, не успев притронуться к еде на своей тарелке, внезапно закашлялась и начала задыхаться. Это стало подходящим предлогом, чтобы покинуть праздник.

Андреас также вскочил из-за стола и последовал за своей женой, однако уже через десять минут вернулся к гостям.

– С ней все будет в порядке, – заверил он собравшихся и попытался изобразить на своем лице улыбку.

– Должно быть, она шокирована тем, что ее сестра возвращается домой, проведя столько времени на острове, – предположил Александрос.

– Ты имеешь в виду – приятно удивлена? – уточнила Элефтерия. – Она ведь рада, правда, Андреас?

– Я уверен, что встреча сестер станет очень радостной для обеих, – мягко заметил Манолис.

– Только представьте, как, должно быть, счастлив их отец, – продолжила Элефтерия, в умилении сложив руки на груди.

Матери Андреаса всегда было немного стыдно за их с Александром поведение в отношении Гиоргоса Петракиса на крестинах внучки. Однако она слишком боялась неодобрения мужа, чтобы открыто выказывать старому рыбаку свое расположение. Александрос Вандулакис все никак не мог смириться с тем, что его семья оказалась связана с островом самым непосредственным образом. Но возможно, теперь, когда лекарство от древней болезни наконец найдено, муж смягчится.

Андреас вновь отлучился, чтобы провести свою жену, а когда вернулся к гостям, заверил их, что Анне уже намного лучше и скоро она спустится. После того как был подан кипрский десерт *глико ту куталью*, фрукты в сиропе, и все еще раз спели «Многая лета» в честь именинницы, Манолис решил, что ему пора домой. Он объяснил свой ранний уход тем, что, вероятно, получил тепловой удар после целого дня, проведенного на солнце, и вдобавок страшно устал, однако настоящая причина заключалась в том, что в отсутствие Анны вечер утратил для него всякий смысл. Он надеялся на

скорую встречу с ней, чтобы еще раз убедить свою любовницу, что возвращение Марии никак не повлияет на их отношения.

На следующий день жара усилилась, и поместье Вандулакисов словно погрузилось в летаргический сон. Все работали вполсилы, а когда солнце достигло зенита, на три часа прервали свои дела, чтобы вздремнуть в тени деревьев. Не было никакого смысла понукать работников – от жары они не могли не то что пошевелиться, но даже открыть глаза. Надвигалась пора сбора урожая, и Андреас заставлял всех трудиться и днем и ночью, однако перед таким пеклом даже он был бессилен. В итоге сиеста стала частью рабочего дня.

В тот день Анна с Манолисом условились о свидании, но сон сморил его точно так же, как и остальных работников поместья. В конце концов, он трудился так же усердно, как и любой из них. В те дни он был нужен здесь, как никогда, потому что служил своеобразным проводником между работниками и владельцем этих столь обширных и богатых виноградников, оливковых рощ и земельных угодий.

Последние шесть лет Манолис провел тут, в имении Вандулакисов, но перед этим в течение десяти лет скитался по Европе, проматывая огромное состояние, оставленное ему дедом. Покойный отец Манолиса был старшим из двух братьев и по закону являлся наследником огромного поместья своего родителя. Однако он умер молодым, и потому земля в итоге отошла Александросу Вандулакису. После его смерти

хозяином поместья станет Андреас. Манолиса это решение вполне устраивало, он не испытывал по этому поводу никакой горечи и, невзирая ни на что, любил жизнь такой, какая она есть.

«Если бы богам было угодно, все сложилось бы совсем иначе», – философски заметил он однажды своему другу Антонису, которому такое отношение Манолиса к своей участи было непонятным.

Манолис сам решил провести эти десять лет, путешествуя, распутничая и наслаждаясь каждым днем своей жизни. Он не жалел ни об одной прожитой секунде. Однако ему было искренне жаль всех, кто, в отличие от него, никогда не жил в Париже, Риме или Барселоне.

Единственным имуществом, которое Манолис привез с собой обратно на Крит, была его лира. Он с детства ею дорожил. Во время скитаний она служила ему и утехой, и спасательным кругом. Манолису нередко приходилось петь и играть, чтобы заработать себе на еду. Во многих городах Франции и Австрии никто никогда не слышал столь чистого голоса и певучих звуков инструмента, так похожего и в то же время непо похожего на скрипку. Людей пленяла не только незнакомая доселе музыка, но и мелодичный греческий язык.

И хотя в карманах у него не звенело ни единой драхмы, Манолис привез из своих странствий одно человеческое качество, которого так не хватало остальным членам семьи Вандулакис, а именно – способность завязать разговор с кем

угодно, независимо от возраста, достатка или образования. Людям нравился Манолис. К нему тянулись даже животные. Поговаривали, что стоило Манолису только свистнуть, как дикие козы окружали его плотным кольцом, а бродячие собаки увязывались следом за ним.

Мать Манолиса умерла при родах, а отец последовал за ней пять лет спустя. После его смерти опекуном мальчика стал дядя Александрос. Вместе со своей женой Элефтерией он воспитал племянника как собственного сына. А когда Манолис вернулся на Крит и выразил желание работать в поместье, Александрос решил испытать серьезность его намерений. Он считал, что одна только фамилия не делает Манолиса хозяином положения, поэтому устроил племяннику те же испытания, что и любому новому работнику. Манолис должен был проявить себя.

Ему показали участок необработанной земли, которой в обширном поместье оставалось еще очень много, и велели сделать с ней все, что Манолис посчитает нужным. Молодой человек целыми днями работал без устали, демонстрируя всем свою силу и выносливость. Он привел выделенную ему землю в порядок, однако не это поразило его дядю больше всего. Манолис трудился не один – работники поместья охотно помогали новичку. Такая харизма была на вес золота.

Вскоре Манолису доверили управлять работниками поместья. Нередко можно было видеть, как молодой человек трудится наряду со своими подчиненными. И делал он это не

потому, что хотел лишний раз подбодрить людей, а потому, что любил тяжелый физический труд.

Анна просто отказывалась это понимать. Почему он вкалывает не меньше рядовых работников? Ведь, в конце концов, Манолис их начальник. Поэтому, когда он проспал их свидание, Анна не желала слушать никаких оправданий. Он просто обязан был провести этот день с ней, а не в поле, и точка! Она становилась все более несдержанной и, если Манолис пропускал их встречи, даже не старалась обуздать свой гнев.

Атмосфера в доме Вандулакисов день ото дня становилась все более напряженной. Хотя Анна знала: причиной продолжительного отсутствия Манолиса было то, что Андреас заставляет всех работать сверхурочно, – это никак не уменьшало ее раздражения. У Анны пропал аппетит и желание наряжаться в свои лучшие платья. Казалось, она утратила интерес ко всему, даже к своей маленькой дочери. Она не потрудилась хоть как-то объяснить столь странное поведение мужу и целыми днями не покидала своей спальни.

После того как Андреас вынужден был отклонить очередное приглашение своих родителей на ужин, у Элефтерии Вандулакис родились кое-какие соображения на этот счет, и она поспешила поделиться ими со своим мужем:

– Разве ты не помнишь, что и в первый раз она тоже постоянно была не в духе?

– В первый раз? Она больна? – Александрос не сразу по-

нял, на что намекает супруга.

– Ребенок, Александр, ребенок! – в отчаянии от недогадливости мужа воскликнула Элефтерия. – Я думаю, она беременна!

– Ой! – только и мог сказать Александрос. – Надеюсь, на этот раз будет мальчик, – добавил он после некоторых раздумий.

Элефтерия покачала головой.

– Я уверена, она сообщит, когда будет готова, – задумчиво промолвила она. – Но, по крайней мере, это объяснило бы ее странное поведение.

Манолис теперь нередко допоздна засиживался с Антонисом в *кафенио*. Как правило, мужчины пили раки и играли в *тавли*⁶, а однажды до рассвета пели песни в сопровождении своих любимых музыкальных инструментов. Когда Манолис брал в руки лиру, время будто бы замирало. Он мог играть и петь часами. Иногда ему аккомпанировал Антонис на своей флейте, иногда кто-то другой – на *лауто*. Публика принимала эти импровизированные концерты на ура.

Как-то вечером Манолис заглянул в бар, чтобы пропустить кружку холодного пива. Накануне он снова играл на своей лире до рассвета, а потом сразу поехал в поместье. Манолис знал всех посетителей таверны, но сегодня заметил за угловым столиком двоих незнакомцев. Как правило, новые лица быстро втягивались в общий разговор, однако эти двое

⁶ *Тавли* – греческие нарды.

явно предпочитали оставаться в тени.

И хотя Манолис сел спиной к чужакам, Григорис, бармен, который успел хорошо узнать своего постоянного клиента, сразу же понял, что его насторожило. Поставив перед Манолисом кружку холодного пива, бармен тихонько шепнул:

– Их выпустили первыми.

Манолис решил, что речь идет о заключенных.

– Они стали принимать новое лекарство раньше других, – продолжил Григорис, – и уже выздоровели.

Один из тех двоих внезапно поднялся и направился в сторону Манолиса. И хотя молодой человек знал, что бояться нечего, все же ему стало как-то не по себе. Он резко встал из-за стола и повернулся к незнакомцу.

– Вандулакис! – ошеломленно воскликнул мужчина.

Голос показался Манолису знакомым, но не более того. Молодой человек непроизвольно сделал шаг назад, не в силах скрыть отвращение.

– Панайотис Апостолакис, – представился незнакомец.

Однако Манолис продолжал смотреть на него озадаченно. Тогда незнакомец назвал свое имя еще раз.

Наконец Манолис вспомнил, что некто по имени Апостолакис владел таверной в Элунде. Он бывал в этом заведении много раз.

Мужчина протянул руку, и Манолис заметил, что на ней не хватает нескольких пальцев. Неожиданно для самого себя молодой человек вновь вздрогнул от чувства гадливости. Он

сунул руки в карманы брюк и отступил еще на шаг.

Манолису было трудно признать в этом человеке Панайотиса Апостолакиса. Прежним остался разве что высокий рост. Если раньше Панайотис был настоящим красавцем и его пышные усы производили впечатление на самого Манолиса, то теперь перед ним стоял абсолютно лысый мужчина, без намека на усы или бороду.

Манолис перевел взгляд с Апостолакиса на его спутника – тот был изуродован болезнью гораздо серьезнее: лицо было испещрено глубокими шрамами, а уши распухли. По пустому взгляду мужчины Манолис понял, что он к тому же слеп.

Молодой человек так и не смог преодолеть отвращение и пожалть руку Апостолакиса. Впрочем, тот давно уже опустил ее.

– Что ж... – только и смог выдать из себя Манолис. Во рту у него пересохло.

– Мы первые, кто... – начал было Панайотис, но его перебил пробежавший мимо Григорис.

– Они первыми попробовали лекарство! – с энтузиазмом воскликнул бармен. – И едва ли не первые вернулись домой.

Манолис заставил себя улыбнуться.

– Да, точно... И это здорово. Отличные новости! – неубедительно промямлил он и залпом выпил свое пиво.

Затем поставил кружку на стол и поспешил покинуть таверну.

Когда Манолис сел в свой грузовик, руки его тряслись так

сильно, что он с трудом вставил ключ в замок зажигания. Двигатель в конце концов заработал, Манолис поднял глаза и заметил вдалеке Гиоргоса Петракиса. Молодой человек развернул грузовик, чтобы ненароком не встретиться со стариком, и нажал на газ.

По дороге его одолевали одни и те же мысли. Будет ли Мария так же обезображена болезнью, как те двое? Быть может, она осталась без носа? Без рук? Без волос? Он тщетно пытался выбросить из головы образ изуродованной девушки.

На следующий день, зная, что Андреас уехал по делам в Ираклион, Манолис нанес Анне неожиданный визит. Какое-то время молодая женщина всем своим видом демонстрировала злость и недовольство тем, что Манолис пренебрегал ею столько дней подряд. Она сидела, поджав губы, намеренно повернувшись к любовнику спиной.

– Не сердись на меня, – умолял он.

Затем Манолис подошел к Анне и, встав перед ней на колени, как перед святыней, взял ее за руку. Анна резко выдернула свою руку из его ладоней.

– Ты ведь знаешь, как сильно я тебя люблю, – не сдавался он.

Минуту Анна продолжала хранить молчание, затем на ее губах заиграла кокетливая улыбка:

– Тебе придется это доказать.

София в это время гуляла со своей няней, так что в ближайшие часы весь дом был в полном распоряжении любов-

ников.

И они настолько увлеклись друг другом, что даже при распахнутых настежь окнах не слышали, как сначала подъехала к дому, а затем снова уехала машина Андреаса.

* * *

Весь вечер за ужином Анна была необычайно оживлена и болтала без умолку. Андреас, напротив, хмурился и цеплялся к каждому ее слову.

– Почему ты сегодня только и делаешь, что огрызаешься? – удивленно спросила она, когда подали десерт.

В этот момент в столовую вошла София и тут же побежала к отцу, ожидая, что он поднимет ее и посадит к себе на колени, как делал почти всегда. В такую жару девочка долго не могла заснуть, и ей было разрешено спускаться к родителям, пока те ужинали.

– Возвращайся в кровать! – внезапно отрезал Андреас, отталкивая ребенка. – Сейчас же!

София не удержалась на ногах и упала на пол.

– *Баба-а-а!* – тут же завопила она и принялась плакать. – Папа-а-а!

– Андреас! – воскликнула Анна. – Что, черт возьми, с тобой происходит?!

Она взяла Софию на руки и прижала к себе, но малышка продолжала истошно реветь, и вскоре звук рыданий запол-

нил весь дом.

Андреас резко поднялся и вышел из комнаты, хлопнув дверью. Софию удалось успокоить лишь пару часов спустя. В эту ночь девочка легла спать вместе с матерью, а Андреас ушел ночевать в другую комнату в дальнем конце дома.

Всю следующую неделю Андреас старался как можно меньше времени проводить дома, срывая свою злость на рабочих в поместье. Досталось и Манолису: Андреас упрекнул его в том, что часть намеченных работ осталась невыполненной и оливковые рощи недостаточно ухожены. Манолиса больно ранили слова кузена. Было ясно, что не следует спорить с Андреасом и какое-то время лучше избегать его. Но причина столь резкой перемены в поведении брата ускользала от Манолиса.

Грубость Андреаса, беспокойство по поводу возвращения Марии – все это заставило Манолиса замкнуться в себе. Работники не могли не заметить, как переменялся управляющий, и частенько подшучивали над ним по этому поводу. Несмотря на его высокий статус, они считали, что Манолис – свой, что он один из них.

– Может, пойдем выпьем, Манолис? – спросил как-то Антонис ближе к вечеру.

– Он явно утоляет жажду в другом месте! – пошутил один из работников.

– Тут, как ни крути, замешана женщина, – подмигнув первому, тихо сказал второй.

– Любовь... Она, видно, вскружила ему голову, – прошептал третий.

Молчание Манолиса лишь подтверждало догадки работников. Конечно, он был влюблен, но даже Антонис, самый близкий друг Манолиса, не знал, в кого именно. Много лет назад ходили слухи об их с Анной романе. Но если когда-то это и было правдой, разумно полагал Антонис, то сейчас эти отношения наверняка остались в прошлом.

Всем казалось, что они хорошо знают Манолиса. Большую часть субботних вечеров он проводил вместе с друзьями в тавернах и барах Элунды. Она славилась десятками заведений, где можно было отлично повеселиться, и Манолис не упускал случая пофлиртовать с местными девушками. Впрочем, как и все прочие мужчины.

Сегодня же он был сам не свой. Это был не тот Манолис, которого все знали и любили, – неутомимый весельчак, душа любой компании. И всем стало ясно, что следует оставить этого нового Манолиса в покое.

Работники начали потихоньку расходиться, а Манолис продолжил вбивать новый столб для забора, прикладывая для этого больше сил, чем было нужно.

* * *

В последнее время в городах и деревнях Лассити только и говорили что о новом лекарстве от проказы. «Прока-

женные», «лечение», «Спиналонга» – эти слова, повторяемые вновь и вновь, кружили в летнем воздухе, словно медоносные пчелы. Поговаривали также о том, что весь остров Спиналонга будет в скором времени эвакуирован.

Как-то раз за семейным ужином в своем просторном доме в Неаполи Элефтерия и Александрос Вандулакис наконец подняли эту тему.

– Мы не уверены, что нам стоит присутствовать на этом... гм... событии, – неуверенно начал Александрос. – Однако вы с Анной обязаны там быть, чтобы, так сказать, представлять семью.

В Плаке намечался грандиозный праздник в связи с закрытием колонии для прокаженных.

– Учитывая нашу связь с островом, – многозначительно посмотрев на невестку, добавила Элефтерия.

Анна ничего не ответила.

– Да. Конечно, мы приедем, – холодно сказал Андреас. – Не так ли, Анна?

Молодая женщина продолжала молча смотреть в свою тарелку. Она едва заметно кивнула, по-прежнему не поднимая глаз. Окружающим сложно было понять, о чем думала Анна в тот момент, но ее напрягшиеся плечи выдавали полное смятение чувств.

Глава 4

В течение пятидесяти лет жители Плаки наблюдали за невзгодами больных на Спиналонге, и вот наконец сегодня, 25 августа, колония для прокаженных должна была прекратить свое существование. Это был поистине исторический момент, отпраздновать который хотели все от мала до велика. В течение столь долгих лет деревенских жителей с их ближайшими соседями связывали сочувствие и страх. Весь ном⁷ Лассити, значительная часть Восточного Крита, как выиграл, так и пострадал от близости острова. С одной стороны, Спиналонга была отличным рынком сбыта товаров, производимых в близлежащих деревнях. С другой – жители Плаки находились в постоянном страхе перед болезнью, которая, как кто-то верил, может передаваться по воздуху.

Гиоргос был не единственным местным жителем, у которого Спиналонга забрала дорогих и близких ему людей. Жизнь многих обитателей Плаки и соседних деревень и городов навсегда изменили страшный диагноз и пугающие слова: «С сожалением вынуждены сообщить...»

В Плаке также жили братья Димитриса Лимониаса, который отправился на Спиналонгу вместе с женой Гиоргоса Элени. С момента его отъезда прошло почти двадцать лет,

⁷ *Номы* (или префектуры) – упраздненные с 1 января 2011 года административные единицы второго уровня Греции.

и за это время братья успели обзавестись женами, детьми, а также открыли небольшой местный магазин, приносящий им приличный доход. Теперь же родственники Димитриса переживали о том, насколько сильно изменится их жизнь с возвращением брата.

В деревне жили родители девочки, у которой диагностировали проказу пятнадцать лет назад. Ей тогда исполнилось всего девять, и она была единственным ребенком в семье. Сегодня родители с нетерпением ждали встречи со взрослой дочерью. Что, если болезнь обезобразила лицо их девочки? Вдруг они не смогут ее узнать?..

Одни, как семья Апостолакиса, жили в Элунде, другие – в Неаполи, основном, самом большом и важном городе региона. Тех же, кто был родом из более отдаленных городов, таких как Ираклион, Ханья и даже Афины, никто не ждал. Некоторые семьи отреклись от своих родных в тот день, когда узнали об их страшном диагнозе. Были среди пациентов и те, кто пережил всех своих родственников.

Приближающееся событие никого не оставляло равнодушным – кто-то радовался возвращению близких, а кто-то страшился грядущих перемен. Этот *панегири*⁸ должен был стать грандиозным праздником, ведь он знаменовал момент, который никогда больше не повторится. Жителей Спиналонги встречали, как вернувшихся с поля боя на родину солдат.

По мере подготовки праздника беспокойство Манолиса

⁸ *Панегири* – всеобщее народное собрание.

все возрастало. А вдруг Мария надеется, что теперь они вновь будут вместе?

Он знал, что сестра Антониса не раз навещала Марию на острове, что со стороны Фотини было очень смело. Манолису хотелось выведать, не упоминала ли о нем Мария в разговорах с Фотини. И однажды решился спросить об этом, когда они вместе с Антонисом осматривали виноградники. Манолис надеялся, что его голос при этом не дрогнул.

– Похоже, она рада наконец покинуть этот остров, – просто сказал Антонис.

– Да уж, наверное, – осторожно заметил Манолис.

– Фотини говорит, что Мария почти не изменилась. Судя по всему, у нее была самая легкая форма проказы.

– Здорово, – бесцветным голосом ответил Вандулакис.

Этот разговор не помог развеять его страхи. Если болезнь пощадила Марию, у девушки были все основания полагать, что они с Манолисом могли бы возобновить помолвку.

Проезжая через деревню утром в день празднования, Манолис видел, как люди развешивают на деревьях фонари и яркие флаги. Дети приносили на площадь стулья из местной школы, а женщины тем временем накрывали длинные столы и связывали цветы в букеты. Он также заметил Фотини и ее супруга Стефаноса, тащивших по улице огромные блюда с едой из своей таверны. Кто-то спускался со склона холма с охапками только что собранной травы для салата *хорта*. Булочник выгружал из фургона подносы со свежими хрустя-

щими хлебцами.

Закончив все дела в поместье, Манолис вновь заехал в Плаку выпить холодного пива. Он не видел, как Гиоргос и полдюжины деревенских рыбаков отправились на остров, чтобы помочь перевезти со Спиналонги людей со всеми их пожитками. Молодой человек только сейчас заметил эту маленькую флотилию, пришвартованную у берега Плаки. Тут были суденышки всевозможных форм и размеров, в разной степени потрепанные морем. Сейчас все они ютились в маленькой гавани, и казалось, что лодок в несколько раз больше, чем было на самом деле.

Съездив домой, чтобы помыться и привести себя в порядок, Манолис через несколько часов снова вернулся в деревню. Ему пришлось оставить свой грузовик довольно далеко от места праздника, поскольку все места на парковке к тому времени уже были заняты другими автомобилями. Впрочем, Манолис никуда не спешил. И вообще, им двигало скорее любопытство, нежели воодушевление.

Он никогда не видел в Плаке столько народу. Взгляды всех присутствующих были устремлены на импровизированный танцпол. Над огромной толпой поплыла громкая и радостная музыка, и даже те, кто не танцевал, не могли удержаться и весело хлопали в такт. Манолиса никто не замечал. Обычно молодой человек стремился быть в центре внимания, однако сегодня он предпочитал оставаться в тени.

Манолис огляделся по сторонам. Вот его знакомого, Апо-

столакиса, взяла за культю какая-то женщина и решительно повела в круг танцующих. Но многих он не узнавал. Некоторые были парализованы или обезображены, хотя большинство ничем не отличалось от обычных людей. Между танцорами то и дело сновали дети. Они старались не мешать движению круга танцующих, который сначала шел в одну, а затем в другую сторону. В воздухе были разлиты радость и безмятежность.

Манолис захватил с собой фляжку с раки и потихоньку отхлебывал из нее, наблюдая за царившим вокруг весельем. Трудно было отличить здоровых от недавно выздоровевших, в толпе все перемешались. Во время любого другого *панегири* он бы тут же снял свою лиру со стены за стойкой бара и принялся на ней играть. Но сегодня, хотя при звуках музыки кровь его бурлила, как всегда, у него не возникало желания присоединиться к общему ликованию.

Все это время он высматривал в толпе лишь одного человека. И вскоре Манолис заметил ту, кого так жадно искал взглядом. Сначала он увидел Антониса, потом – Фотини и понял, что Мария должна быть где-то неподалеку. Наконец среди сотен чужих лиц мелькнуло ее лицо. Ошибиться было невозможно. Мария совершенно не изменилась с их последней встречи, и все же в ней появилось что-то, доселе ему незнакомое. Через равные промежутки времени, когда завершался очередной круг танца, лицо девушки освещалось яркими вспышками света и Манолис различал на нем

улыбку. Он не помнил, чтобы Мария когда-нибудь так улыбалась. Она буквально светилась от счастья.

Спустя некоторое время в танцах наступил перерыв. Манолис продолжал наблюдать за своей бывшей невестой. Мария отошла в дальний конец площади и села между отцом и каким-то мужчиной в элегантном костюме и с аккуратно подстриженными седыми волосами. Манолис вспомнил, как несколько раз замечал незнакомца в лодке Гиоргоса. Кажется, старик упоминал, что это врач. Седовласый человек и Мария о чем-то говорили, склонив друг к другу головы. А затем неожиданно поднялись и направились в сторону церкви.

Манолис последовал за ними. У входа в церковь мужчина повернулся к Марии и что-то произнес. Манолису не удалось расслышать, что именно, хотя он и подобрался к паре как можно ближе, спрятавшись за грузовиком, припаркованным метрах в пятидесяти от церкви. Но в этот момент снова заиграла музыка, и даже на таком расстоянии она заглушила голос седого мужчины.

Мария что-то ответила своему собеседнику, и лицо его сначала слегка вытянулось от изумления, а затем расплылось в улыбке. Мария просияла в ответ. После этого мужчина приобнял девушку за плечи, притянул к себе и поцеловал. Сначала неуверенно, а потом с нарастающей страстью.

Манолис почувствовал, как дрожь пробежала по его спине. Только вчера Мария была пациенткой на Спиналонге. А

сегодня этот мужчина – врач! – касался ее губ своими собственными.

Поцелуй был недолгим, однако успел вызвать у Манолиса одновременно шок и отвращение. Вскоре пациентка и ее врач вернулись на площадь.

Манолис же еще некоторое время оставался в своем укрытии. Его захлестнуло чувство огромного облегчения, поскольку теперь он был уверен: Мария не ждет от него возобновления отношений. Опираясь на ступицу колеса, Манолис скрутил себе сигарету и закурил. Он действовал осторожно, чтобы никто не заметил пламени от спички или тлеющего кончика сигареты.

Мысль о том, что Мария, возможно, нашла свою любовь, придавала Манолису смелости. Он решил, что, как только докурит сигарету, непременно вернется на праздник и разыщет Марию, чтобы с ней поздороваться. А потом он, может быть, даже принесет свою лиру и будет играть на ней всю ночь напролет.

Докулив, Манолис достал из кармана фляжку с раки и сделал глоток. Затем поднялся. Теперь пора возвращаться на праздник. Наконец он сможет убедить Анну в том, что их связи ничто не угрожает.

Внезапно небо озарилось светом фейерверков, и все взгляды присутствующих устремились вверх. Это был идеальный момент, чтобы незаметно раствориться в толпе.

Выйдя из своего укрытия, Манолис заметил, что к пар-

ковке подъезжает черный автомобиль. До боли знакомый.

Манолис застыл на месте от изумления. Он никогда бы не подумал, что Анна с Андреасом могут посетить подобное торжество. Зная Анну, легко можно было предположить, что она ни за что не станет танцевать с незнакомцем. А уж с незнакомцем, чье лицо или конечности обезображены проказой, – тем более. Молодая женщина была для этого слишком надменной и брезгливой. Манолис скорее ожидал, что Анна появится в деревне через день или два после праздника, чтобы проведать сестру. Это было бы больше похоже на нее.

Когда блестящий лимузин поравнялся с ним, Манолис успел разглядеть на пассажирском сиденье Анну – ее темные волосы, бледную кожу и алые губы. Анна как будто бы истерически смеялась, запрокинув голову. Широко открытый рот, сверкающие белые зубы... Такой свою любовницу Манолис еще не видел, и этот ее оскал показался ему омерзительным. Анна была похожа на второсортную актрису, изображающую, как она счастлива. Манолис почувствовал укол беспокойства. Хорошо еще, что ни Анна, ни Андреас его не заметили.

Машина поехала дальше, мимо площади – видимо, Андреас искал место, чтобы припарковаться, – а Манолис тем временем медленно побрел к толпе. Все лица гостей по-прежнему были обращены к небу. Миллионы искр, ярко озарявших его, освещали не только участников *панегири*, но и

оставленную людьми Спиналонгу.

Манолис остался стоять в тени. Ему хотелось стать свидетелем воссоединения Анны с ее сестрой. С того места, где он находился, ему была отлично видна не только толпа гостей, но и машина двоюродного брата. Манолис терпеливо ждал, когда откроется пассажирская дверца.

Ракеты взлетали в небо одна за другой. Когда первый залп фейерверка закончился, настала какая-то сверхъестественная тишина. Теперь должен был вновь заиграть оркестр. П слышались первые звуки *лауто*. Все собрались в круг, чтобы начать танцевать.

Но прежде чем танцоры успели сделать хоть одно па, воздух прорезали еще два коротких, но громких хлопка. Люди вновь посмотрели вверх, ожидая увидеть очередной взрыв сверкающих искр, падающих с неба, но оно оставалось чистым. В самом начале праздника, по обычаю свадеб или крестин, было произведено несколько выстрелов в воздух, однако их звук был другим – более глухим. А раздавшиеся только что хлопки определенно означали, что кто-то стрелял из пистолета, и несколько гостей принялись оглядываться в поисках источника шума.

Музыканты могли слышать только себя, а потому еще какое-то время продолжали играть. Но постепенно все инструменты смолкли, за исключением одинокой *лауто*, на которой брэнчал глухой старик. В конце концов кто-то просто выхватил *лауто* из его рук.

Манолис тоже слышал выстрелы. Он поспешил к парковке, потому что звук шел оттуда, и, когда был метрах в двадцати от нее, увидел, как Андреас выскочил из своей машины и бросился прочь. Менее чем через секунду он скрылся из виду.

Манолис замер.

К машине Вандулакисов начали подбегать люди. Кто-то открыл пассажирскую дверцу, и Манолис на секунду представил, как сейчас из машины выйдет Анна – как всегда, сияя своей прелестной высокомерной улыбкой и разглаживая на себе платье. Но вместо этого кто-то что-то прокричал, кто-то обеими руками закрыл рот, раскрывшийся от изумления, какая-то женщина взвизгнула. Затем плотная масса зевак расступилась, пропуская кого-то вперед. То был седовласый врач, которого Манолис видел у церкви вместе с Марией. Толпа по его просьбе отошла на уважительное расстояние, и несколько мужчин осторожно достали тело женщины из машины. Кто-то из гостей не выдержал и отвернулся.

Манолис был выше большинства жителей деревни, поэтому мог видеть, как шестеро мужчин, в том числе Антонис, отделились от толпы и побежали вниз по улице. Должно быть, один из них заметил, в каком направлении скрылся Андреас. В такой маленькой деревне, как Плака, беглеца найдут без труда – это был просто вопрос времени.

Многие женщины не могли сдерживать слез. Они начали расходиться парочками, чтобы поплакать друг у друга на

плече в попытках утешиться. И только дети, испытывая непреодолимое любопытство и вытягивая шею, не спускали глаз с мертвого тела, распростертого на одеяле.

Там лежала Анна.

Манолис видел, как сначала Мария пробилась вперед, а затем и Гиоргос опустился на колени рядом с телом своей дочери.

Манолис различил бледно-голубое платье, залитое кровью, и растрепанные темные волосы. Мария тоже опустилась на колени и теперь держала руку сестры, тихонько поглаживая ее и что-то бормоча себе под нос. Гиоргоса, чтобы он не упал, поддерживали двое мужчин.

– *Те му... Те му...* Боже мой... – все повторял сквозь слезы несчастный старик, осеняя себя крестным знамением.

Седовласый мужчина закрыл Анне глаза. Это простое движение привело Манолиса в ярость. Кто он такой, чтобы прикасаться к ней?

Манолис отчаянно заработал локтями, желая протолкнуться поближе к телу Анны. Каждой клеточкой своего тела он жаждал схватить ее и унести в горы, подальше от этого места, от этих людей. Анна была его женщиной. Сколько раз она повторяла, что принадлежит ему, и только ему? Анна, его прекрасная Анна... Собственническое чувство еще никогда не проявлялось в нем с такой силой.

На миг Манолис представил, как, прорвавшись вперед, подхватывает Анну на руки и поцелуем возвращает к жизни.

То, что здесь случилось, не могло быть правдой. Просто не могло. Всего мгновение назад она была жива. Он видел ее. Неподвижное тело, лежащее на земле, – не Анна. Это невозможно.

Манолис отошел на несколько метров от места происшествия и очутился в каком-то темном дверном проеме. Молодой человек почувствовал, что задыхается. А затем его тело сотрясли рыдания. Шум толпы заглушал их, однако, если бы даже они раздавались в полной тишине, никто бы не поверил, что эти звуки издает человек, а не зверь.

Присев на корточки, Манолис закрыл лицо руками и уткнулся головой в колени. Когда он наконец поднял глаза, то увидел, как тело Анны осторожно заворачивают в одеяло и уносят. Манолис впал в оцепенение. Его с головой захлестнули горе, шок и боль от потери любимого человека. Не привыкший к подобным эмоциям, Манолис ощущал лишь ледяной холод, сковавший его тело с головы до ног.

Глоток раки помог ему немного согреться, но его все еще трясло, как будто на улице был декабрь, а не август. Манолис потерял счет времени в этом глухом темном углу, терпеливо ожидая, пока не опустеют улицы.

Убедившись, что его никто не видит, Манолис покинул свое укрытие. Вопреки здравому смыслу он остановился около «кадиллака» Андреаса, чтобы осмотреть место, где лежало тело Анны. Сейчас здесь не было ничего – ни капли крови, ни следа в пыли. Яркие флаги, развешанные между

деревьями, казалось, насмехались над ним. Как и праздничные столы, вместо угощения теперь уставленные пустыми тарелками и грязными стаканами.

Убирать со столов сразу после столь ужасного происшествия было бы знаком неуважения. Однако рано или поздно это придется сделать, и Манолис был уверен, что жители деревни найдут в себе силы заняться уборкой.

Неожиданно в слабом свете восходящего солнца что-то блеснуло. Манолис немного отступил назад, а затем оглянулся, чтобы убедиться, что рядом никого нет. Наклонившись, он различил на камнях мостовой женскую сережку – одну из пары, которую Манолис подарил Анне на ее именины несколько лет назад. Эти подвески с аква Марином стояли намного меньше, чем любые украшения, которые Анне когда-либо дарил Андреас, однако их цена совсем не смущала молодую женщину – она была от серег в полном восторге и надевала их только по особому случаю.

Манолис подобрал сережку и быстро сунул в карман брюк, а затем поднялся и пошел к своему грузовику, припаркованному где-то неподалеку. В голове у него созрел план.

Подъезжая к своему дому, Манолис не переставал думать о последних минутах жизни Анны. Только Бог и Андреас знали, что именно она сказала перед смертью. Однако Манолис почему-то не сомневался, что именно о нем говорили супруги в последний раз. Следовательно, именно он, Манолис, был повинен в смерти Анны. Теперь ему придется на-

учиться жить без нее. Думать об этом было невыносимо.

Да, не он спустил курок, и не его будут судить за это преступление. Но Манолис знал, что слухи разносятся со скоростью пожара на холмах во время засухи. Внезапно он почувствовал симпатию к тем, кто накануне навсегда покинул Спиналонгу. Подобно этим людям, отныне он будет носить клеймо позора.

Жизнь, которой он наслаждался в Элунде, закончилась.

Вернувшись домой, Манолис тут же бросился наверх собирать вещи. Он кинул в сумку несколько рубашек, а затем вспомнил, что в верхнем ящике комода у него были спрятаны деньги. Манолис их тоже положил в сумку. Затем, бросив последний взгляд на свою спальню, он заметил на полке две фотографии. Манолис коснулся печати на обратной стороне одной из них, вынул выцветшее изображение своих родителей из рамки и быстро сунул фото в сумку. Второй была фотография, сделанная во время крестин маленькой Софии: Андреас, Анна с малышкой на руках и он сам. Манолис выдернул фото из рамки и убрал в карман рубашки.

* * *

Через несколько минут после того, как Манолис покинул свой дом, к нему подъехала машина. Это был Антонис.

Накануне вечером именно он возглавил поисковую группу, чтобы найти Андреаса. Во время войны Антонис помо-

гал партизанским отрядам и за это до сих пор пользовался огромным уважением среди земляков. Благодаря своему опыту он отлично знал все места, где можно было спрятаться от погони. Антонис разделил свою группу из шести человек на три пары и отправил в разных направлениях. Все мужчины из его команды были молоды и скоры на ногу, и через десять минут беглец был пойман.

Андреаса обнаружили сидящим на пороге церкви. В руках он все еще сжимал пистолет, но не пытался обороняться. Мужчина съежился в комок, был явно напуган и дрожал. Поэтому, когда Антонис приказал ему бросить оружие, он сразу повиновался. Андреас также позволил двоим мужчинам отвести его обратно к деревенской площади.

Когда преступника увели, Антонис поднял с земли пистолет. На секунду ему показалось, что он готов выстрелить в спину убийце. Но смерть не будет достаточным наказанием для человека, так хладнокровно убившего свою жену. Антонис ненавидел своего хозяина. Все последние десять лет он испытывал отвращение к человеку, на которого работал, ни на один день не забывая, что именно Андреас Вандулакис украл у него возлюбленную.

Анна присутствовала в жизни Антониса всегда – сколько он себя помнил. Их семьи дружили, и они с Анной виделись почти каждый день, пока были детьми. Во время оккупации, сражаясь в рядах Сопротивления, Антонис однажды поймал себя на том, что постоянно думает о девушке. Ему казалось,

что на войне им движет не только любовь к родной стране, но и любовь к Анне. Юноша надеялся, что по его возвращении она станет восхищаться им и его подвигами. Каждую ночь, положив голову на каменистую землю, он представлял себе момент, когда Анна узнает о его самоотверженной храбрости... Он вернулся после долгого отсутствия, с израненным телом и душой, и на *глэнди* в честь пришедших с войны солдат наконец встретил Анну. Они почти тут же закружились в танце, а чуть позже, скрывшись от любопытных глаз в переулке за церковью, впервые поцеловались.

В ту же ночь в деревне появился Андреас Вандулакис. Если он искал самую красивую женщину в Элунде, то оказался в нужном месте в нужное время. Ведь там была Анна, покрасневшая от танцев и поцелуев.

На следующий день Андреас попросил Антониса передать Анне письмо. Антонис не мог отказаться, хотя знал, что тем самым лишает себя последнего шанса быть с любимой. За исключением Фотини, которая поклялась хранить тайну, ни одна живая душа не знала, как в одночасье рухнули все надежды Антониса. Если бы об этом стало известно, молодой человек не вынес бы унижения.

И тогда, и десять лет спустя Андреас оставался хозяином Антониса. Работы в Элунде было немного. Вандулакисы хорошо платили, и Антонис нисколько не смущался брать деньги у человека, которого он так ненавидел. Антонису нравился физический труд, он любил работать на открытом воз-

духе в компании мужчин, знакомых ему с детства. Большую симпатию он испытывал к Манолису – и со временем они с ним стали лучшими друзьями, – к человеку, который принес столько жизни и веселья в их маленькую деревушку. Однако двоюродный брат друга неизменно вызывал у Антониса отвращение, и ему казалось, что Анна знает об этом. На праздниках в честь окончания сбора винограда или изготовления раки, что устраивались иногда для работников поместья, бывала и Анна, и Антонис получал какое-то странное удовольствие, наблюдая, как неловко она чувствует себя в его присутствии.

Анна знала, что Антонис никогда не был женат. В течение многих лет Фотини подыскивала ему невесту среди своих друзей и их родственников. Антонис был очень красив: его точеные скулы и длинные ресницы, обрамляющие непостижимо темные глаза, заставляли трепетать не одно женское сердце. Девушек также впечатлял и небольшой шрам от немецкой пули на шее молодого человека. Многие девушки находили этого героя войны внешне очень привлекательным, однако что-то в Антонисе их все же отталкивало: может быть, грубость его манер, а может быть, излишняя прямота. Он не скрывал отсутствия интереса к семейной жизни и ясно давал понять: брак – это последнее, о чем он думает. Никто из девушек не хотел впустую тратить на него время, а потому его быстро вычеркивали из списка потенциальных женихов.

«Ну же, Антонис, — не сдавалась Фотини, — вокруг так много женщин, которые хотят замуж!»

«Ну а я лично жениться не хочу», — возражал он. Напрасные усилия сестры забавляли Антониса, ведь оба они знали: ни в Плаке, ни в других окрестных деревнях нет никого, кто мог бы сравниться с Анной.

«Нельзя быть таким привередой!» — восклицала Фотини. На этом обычно их разговор и заканчивался.

В то утро Антонис проснулся с одной мыслью: накануне вечером он вообще не видел Манолиса. А ведь тот обещал, что приедет на праздник! И было очень странно, что он нарушил слово. Совсем не в духе Манолиса было пропускать такое событие.

Как только Андреаса передали властям, Антонис позвонил Александросу Вандулакису и сообщил, что его сын арестован. После этого Антонис и шестеро его людей пошли в бар и просидели там до раннего утра, обсуждая события этой ночи. И вот сейчас, после нескольких часов сна, он внезапно вспомнил слова одного из приятелей: «Надеюсь, он не убил заодно и своего кузена». Тогда они показались Антонису абсурдными, но теперь он видел в них все больше смысла. В конце концов Антонис решил съездить к Манолису.

Грузовика Манолиса у дома он не заметил. Антонис подергал дверь и, обнаружив, что та не заперта, решился войти внутрь.

Хотя он никогда раньше не был в доме своего друга, его

ничуть не удивил беспорядок, царивший повсюду. На кухонном столе Антонис заметил полупустую бутылку вина и кучу крошек. Спальня также говорила о том, что живший здесь человек не отличался аккуратностью. Но Антонис увидел также и следы поспешного бегства: ящики комода были выдвинуты и выпотрошены, одежда из шкафа разбросана по полу и кровати.

В глаза ему бросились опрокинутые фото на комод. Он подошел ближе и поднял рамку, лежавшую лицевой стороной вниз. Снимка не было. И еще одна рамка оказалась без фотографии. Две пустые рамки напоминали окна, в которых погас свет. Стало ясно, что Манолис сбежал.

Антонис присел на край разворошенной постели. Что ж, опасения насчет того, что Андреас мог убить и своего кузена, не оправдались. Однако теперь не приходилось сомневаться в том, что дневные отлучки Манолиса были связаны с Анной. Антонис всегда надеялся, что слухи об их романе не имеют никакого отношения к действительности. Хотя, зная Анну, стоило признать, что она вполне была способна на измену.

Вскоре Антонис покинул дом своего друга и поехал в Плаку. Он не до конца понимал, какие именно чувства обуевают его, но точно знал, что это не боль утраты. Скорее, он испытывал облегчение. Больше некому будет над ним издеваться. Возможно, теперь он вновь обретет утраченную было гордость.

Манолис вел грузовик по главной дороге в Ираклион. Взглянув на пожитки, брошенные на соседнее сиденье, он внезапно вспомнил о своей драгоценной лире. Она все еще висела на стене за стойкой бара. Лира, его самая большая ценность, была его постоянной спутницей на протяжении стольких лет!

Манолис выехал на перекресток, где был поворот налево, на Плаку. Минуту мужчина колебался. Может быть, все же стоило вернуться за лирой?

Идея была абсурдной, с какой стороны ни посмотри, и поэтому Манолис с неохотой отверг ее. Теперь ему надо было думать не о лире, а о том, как успеть на паром.

Обычно паром из Ираклиона в Афины уходил около полудня, а сейчас было почти десять. Манолис вдавил педаль газа в пол, как человек, которому больше нечего терять.

Глава 5

Манолис еле-еле успел к отправлению парома. Свой грузовик он бросил в каком-то переулке, оставив ключ в замке зажигания. Ему было все равно, что станет с его машиной.

Судно было переполнено пассажирами. Многие из них наверняка возвращались в Афины после августовских праздников. Манолис заметил группу бывших обитателей Спиналонги – их нетрудно было узнать по обезображенным проказой лицам и телам. Наверняка все они посещали празднество в Плаке и стали невольными свидетелями ночного происшествия.

Среди этих людей были Пападимитриу, адвокат и бывший староста острова, Соломонидис, редактор местной газеты «Звезда Спиналонги», и Курис, приятель Пападимитриу и инженер. Они сидели отдельно от остальных пассажиров и тихо разговаривали между собой, словно боясь, что их заметят. Все трое сыграли важную роль в превращении Спиналонги в процветающее сообщество. Теперь эти люди возвращались в Афины, чтобы попытаться возобновить карьеру, которую им пришлось прервать на самом пике почти два десятилетия назад. Остальные пассажиры парома старались держаться от этой троицы подальше, как будто ее окружала невидимая преграда.

Манолис провел большую часть путешествия на верхней

палубе. Он бодрствовал уже больше суток, но ему хотелось как следует обо всем подумать, а свежий воздух и шум моторов помогали не заснуть. Манолис никак не мог выбросить Анну из головы, она была в каждом его вздохе, в каждой мысли.

За всю свою взрослую жизнь он ни в одном месте не задерживался так долго, как в Элунде. И все из-за Анны. Он чувствовал себя добровольно сдавшимся ей в заложники. Манолиса не волновало, что будет с ним дальше, – он бежал, просто повинаясь инстинкту.

По пути на север паром делал несколько остановок на небольших островах, и на каждой на судно поднималась новая группа пассажиров. Некоторые не спешили уходить с верхней палубы и долго махали оттуда провожающим, но невыносимый запах дизельного топлива в конце концов загнал пассажиров на нижние, закрытые палубы. Манолис остался один и молча наблюдал, как волны набегают одна на другую. День потихоньку начал сменяться ночью. Очень скоро небо стало черным, а волны – темными. Постепенно небо и вода слились в одно огромное черное пространство, которое, казалось, хотело поглотить Манолиса. Никто бы не увидел, никто бы не узнал... Он просто тихо уйдет под воду. Теперь, когда Анны больше нет, никто не станет горевать по Манолису. Возможно, Антонису и *пареа*, их банде, будет его не хватать. Да и то лишь на короткое время.

И вдруг Манолис заметил легкое свечение на горизонте.

Щель в темноте, которая мало-помалу увеличивалась, заполняясь рыжеватым светом. Наступал новый день.

Медленно, но верно ровная линия поверхности воды сменилась причудливыми контурами суши. Из утренней дымки сначала показались горы, а затем и величественные здания на берегу моря. Хотя Пирей расположен совсем рядом с Афинами, он смог сохранить свою самобытность.

Вскоре огромное судно зашло в порт. Затем полчаса на борту царила суматоха в сопровождении разнообразного шума: рева двигателя, скрежета якорной цепи, криков, приказов, ругани. Казалось, матросы заматались по парому в спешке и панике, но это был всего лишь их очередной рабочий день. Почти каждое утро они вот так же бегали по палубам и таскали канаты толщиной в руку.

Толпа людей на причале ждала, когда паром пришвартуется, и Манолис заметил, что почти все пассажиры высыпали на верхние палубы и теперь восторженно махали своим родным и близким.

Манолиса же встречать было некому. Никто здесь даже не знал его имени. Прошло шесть лет с тех пор, как он уехал с материка на Крит. Он был очарован исключительной красотой острова, его горами и плоскогорьями, кристальной чистотой морской воды. Все эти годы он не скучал по суете городской жизни и был вполне доволен теми скудными развлечениями, что предоставляла Элунда. Манолис ездил в Ираклион, критскую столицу, всего несколько раз, и то лишь по

поручениям Андреаса.

Теперь перед ним лежал процветающий и шумный город Пирей, полный жизни и, вероятно, возможностей. Манолис решил, что составит какой-нибудь план позже, а пока, вымотанный до крайности, он хотел только одного – поспать.

Найти комнату было нетрудно. Уже здесь, на пирсе, вместе со встречающими толпились и те, кто предлагал приедем свои услуги. Они держали в руках таблички с кривыми надписями от руки: «Сдаются комнаты», или «Жилье только для женщин», или «У нас самые чистые простыни!». Манолис попытался договориться о цене с парой пирейцев, но ничего не вышло. К сожалению, у него с собой было не так много денег и он не мог позволить себе лишнего.

Зная, что лучший способ вести переговоры – это притвориться незаинтересованным, Манолис двинулся дальше. Краем глаза он увидел, что за ним последовала какая-то рыжеволосая женщина. От нее пахло дешевыми духами и лаком для волос, но что-то в ней тем не менее привлекло Манолиса. В молодости ему нравились именно такие женщины: с пухлыми губами и чрезмерно нарумяненными щеками.

– Если нужна покладистая хозяйка, – сказала женщина, будто отвечая на незаданный вопрос, – то это я.

– Я ищу жилье поближе к докам, – уточнил Манолис.

– Ближе будет только на воде, – засмеялась она, обнажив зубы в щербатой улыбке.

– Сколько стоит? – небрежно поинтересовался Манолис.

– Четыреста восемьдесят в неделю. – Было похоже, что цифру она назвала наобум.

Манолис не ответил, но пошел вместе с женщиной дальше по набережной. Прежде чем согласиться, ему нужно было посмотреть комнату.

Был уже полдень, когда они наконец добрались до места. Манолис отметил, что дом довольно чистый и ухоженный. На столе в коридоре стояла ваза с шелковыми цветами.

Мимо проскочила какая-то девушка.

– Увидимся позже, тетушка, – только и успела бросить она.

– Это Элли, – сказала хозяйка. – Моя племянница.

Манолис заметил, что у девушки длинные темные волосы, тонкая фигурка и мелодичный голос.

– Она работает в большой *захаропластио* на берегу моря, – гордо добавила женщина, имея в виду огромную кондитерскую, которую они проходили по пути к пансиону.

«С ее бледно-розовой кожей она и выглядит так, будто сделана из сахара», – подумал Манолис.

– Какое у тебя счастливое число, *агапе му*? – спросила хозяйка, позвякивая связкой ключей.

С самого детства Манолис верил в свою удачу. Но сейчас ему казалось, будто удача оставила его, – настолько опустошенным он чувствовал себя из-за недавней потери.

– Что ж, если на ум ничего не приходит, – весело продолжила женщина, – поселим тебя в комнату номер девять. Хо-

рошая, с видом на улицу. И рядом с ванной. Думаю, тебе там понравится.

Анна родилась девятого числа. Он выбрал бы именно этот номер.

Еще одна женщина прошла мимо них по лестнице.

– *Калиспера*, кирия Агати, добрый вечер! – поздоровалась она на ходу, мельком взглянув на Манолиса.

– У нас тут живет всего парочка таких, как она, – прошептала хозяйка, как только женщина скрылась из виду. – Но буйных они к себе не водят. И работают, как правило, днем. Так что не волнуйся, ночью у нас тихо.

За означенную цену Манолис большего и не ждал. Впрочем, у него не было возражений. В прошлом он проводил много времени в компании проституток и не сомневался, что вновь окажется с ними под одной крышей.

Хозяйка подошла к двери в конце коридора, отперла ее ключом и распахнула. Полосатый матрас был весь в пятнах, на спинке кровати висело сложенное покрывало. В углу комнаты стоял комод из потемневшего красного дерева, а на полу под окном виднелись кувшин и таз. Также в комнате имелся сломанный деревянный стул, на который можно было бросить одежду. Манолис останавливался в местах и похуже, так что в целом такие спартанские условия его устраивали. В конце концов, его дом в Элунде тоже был довольно скромным, разве что спальня побольше. Но Манолис не искал роскоши.

– Итак, пятьсот шестьдесят драхм в неделю, включая прачечную и свет. Любые дополнительные услуги оплачиваются сверх этой суммы. Оплата – в конце каждой недели. Я знаю, что происходит, когда вы, мужчины, получаете жалованье. К утру воскресенья у вас в кармане уже ничего не остается, – засмеялась хозяйка. – Деньги вперед. А потом можешь идти, куда пожелаешь.

«Эту кирию Агати не проведешь», – подумал Манолис.

И хотя цена за комнату отличалась от той, что хозяйка назвала вначале, ему было уже все равно.

– Так и сделаю, – заверил он ее.

– Я не хочу знать о тебе ничего, кроме имени, – твердо сказала кирия Агати.

– Манолис, – коротко ответил он, ни на секунду не сомневаясь, что его хозяйка – та еще сплетница. Через день или два имя Вандулакиса могло появиться в газетах даже здесь, на другом берегу Эгейского моря, и Манолису меньше всего хотелось подвергаться допросам этой добросердечной, но, без сомнения, очень болтливой женщины.

– Манолис, – повторила она с улыбкой. – Ты наверняка приехал с Крита утренняя паромом?

Манолис кивнул.

– Чтобы никаких женщин в комнате не было! – неожиданно строго произнесла кирия Агати. – И никаких животных! Был тут у меня один с обезьяной в прошлом году – жуть как воняло. Так что я теперь строго к этому отношусь.

– А что насчет вот этих? – Манолис кивнул в угол комнаты, куда только что прошмыгнула мышь.

– Против домашних мышей я ничего не имею. Ради них готова сделать исключение.

Манолис от души рассмеялся. Ему нравилась эта женщина. Она была неглупа и очень искренне обрадовалась такой реакции на свою шутку.

– Что ж, тогда я принесу тебе постельное белье. На том и порешим.

Через пять минут она вернулась, что-то напевая себе под нос, и принесла серые простыни и грубое шерстяное одеяло. После чего принялась заправлять постель. Манолис же тем временем выглянул в окно и посмотрел вниз, на улицу. Она была пуста, если не считать бродячих собак.

Управившись с простынями, кирия Агати сняла со связки ключ от комнаты и отдала его Манолису. Затем еще раз взбила тощую подушку и разгладила одеяло, теперь расправленное и лежащее на кровати. Каким бы непривлекательным оно ни выглядело, Манолису не терпелось оказаться под ним. Усталость брала свое.

– Спасибо, кирия Агати, – вежливо сказал он.

– Что ж, думаю, мы скоро увидимся, – ответила женщина на прощание, стоя у открытой двери. – Я убираюсь в комнатах раз в неделю.

Манолис кивнул. Хозяйка ушла.

Он сел на кровать, скинул ботинки и вновь поднялся, что-

бы раздеться. Сняв брюки, он вдруг услышал, как что-то со звоном упало на пол. Манолис сразу понял, что это сережка Анны. Он наклонился, поднял ее с пола и положил на раскрытую ладонь. Фотография с крестин все еще была в кармане его рубашки, и только сейчас он позволил себе достать ее и взглянуть на лицо женщины, которую любил.

Зажав аквамарины в ладони, Манолис сунул фотографию под подушку, без сил опустился на кровать и провалился в сон.

В душевной комнате его всю ночь мучили кошмары. Манолис все время от кого-то убегал: то от Андреаса, то от дяди, то от Антониса с Гиоргосом и еще от каких-то людей из далекого прошлого, память о которых хранило его подсознание. Где бы он ни прятался, его всегда кто-то находил. Манолис все бежал и бежал, тяжело дыша и крича, ненамного опережая преследователей. В конце концов он превратился в загнанного зверя, существо со спутанной шерстью и окровавленными лапами. Он был покрыт грязью, на которую налипли опавшие листья, и никак не мог найти убежище...

Когда Манолис проснулся, весь в поту, то обнаружил, что его подушка стала влажной от слез, простыни – хоть выжимай, а у изголовья кровати стоит кирия Агати. В открытое окно било солнце.

– Я уж думала, на тебя кто-то напал, кирие Манолис! – с беспокойством проговорила женщина. – Что кого-то режут ножом прямо тут, под моей крышей!

Манолис сел, потирая глаза и пытаясь сообразить, где он находится и кто эта женщина, протягивающая ему стакан. Потребовалось какое-то время, прежде чем он выбрался из-под густой пелены сновидений и окончательно пришел в себя.

– Даже девушки жаловались на шум. И уж поверь мне, слышать такие жалобы от *них* крайне непривычно. Ну и сон тебе, должно быть, приснился, – причитала женщина.

Манолис тем временем взял у нее из рук стакан и залпом выпил его содержимое. Краем глаза он заметил, что кирия Агати пристально наблюдает за ним, слегка склонив голову набок.

– Сейчас четыре часа дня, – подытожила она, забирая у него стакан. – Думаю, тебе надо прийти в себя. Я уже ухожу.

Накануне Агати не обратила особого внимания на своего нового постояльца, но теперь могла хорошенько его рассмотреть. За все годы, что кирия Агати держала свой пансион, она не видела такого красивого мужчины.

Манолис понял, что его изучают. Что ж, к пристальным взглядам женщин ему было не привыкать.

– Спасибо за воду, кирия Агати. – Он попытался улыбнуться, но не смог.

– Не за что, – коротко ответила она. – Ах да, и не надо никакой «кирии». Просто Агати.

Как только она вышла из комнаты, Манолис поднялся. Он пытался выбросить из головы свои кошмары и надеялся, что

в следующий раз к нему во сне придет Анна. Ему нужно было ее увидеть.

Манолис умылся, оделся, а затем вышел на улицу. День близился к концу, и птицы расселись на крышах соседних домов, по-видимому готовясь вскоре отправиться на юг. Зима была не за горами.

Для начала Манолис прогулялся по набережной. Работы в доках на сегодня были завершены, на судостроительных и ремонтных верфях стояла тишина. Хотя рабочий день подошел к концу, многие не спешили расходиться, обсуждая рабочие планы на завтра. Летние веранды *кафе* были заполнены до отказа. Несмотря на то что вдоль всей набережной выстроились бары и рестораны, свободных мест в них почти не осталось. После тяжелого трудового дня тысячи голов пронзала одна и та же мысль: нужно немедленно где-то перекусить и выпить.

В кафе на противоположной стороне дороги Манолису посчастливилось найти свободный столик. Он не ел больше двух дней и теперь был голоден как волк. Официант поставил на стол перед Манолисом хлеб и воду, а затем принял заказ. В меню ресторанчика сегодня было три мясных блюда – свинина, баранина и курица. Манолис заказал все три и велел подать холодного пива. Когда заказ принесли, Манолис торопливо поел, вытер губы куском хлеба, осушил залпом вторую бутылку пива, расплатился и ушел. За столиком он ни разу не поднял глаз от своей тарелки и даже не взглянул

на официанта.

* * *

В то время как Манолис поглощал свой первый обед на материке, Андреаса переводили из полицейского участка в Айос-Николаосе в тюремную камеру в Неаполи. В том, что именно он совершил преступление, сомнений не было. А вот причины, толкнувшие его на убийство, для многих оставались загадкой.

В барах и тавернах Лассити только и говорили что об убийстве Анны. Фамилия Вандулакис была широко известна на востоке Крита, а потому весть о том, что наследник богатого семейства застрелил свою жену в приступе безумной ревности, быстро разлетелась по острову. Всем работникам обширного поместья – от домашней прислуги до управляющих – строго-настрого запретили обсуждать происшедшее не только с семьей и друзьями, но и между собой. Однако все было напрасно. Экономка Анны, кирия Василякис, взяв с подруги обещание молчать, рассказала ей, что несколько раз видела, как Манолис входил в дом и выходил оттуда. После этого никто уже не сомневался в том, что именно он посеял раздор между супругами. И вскоре о его исчезновении стали говорить ничуть не меньше, чем о самом убийстве.

Антонис был одним из немногих, кто пытался как-то оправдать Манолиса. Зная, что его лучший друг косвенно

причастен к убийству, Антонис испытывал в отношении случившегося смешанные чувства. Он не винил Манолиса в трагической развязке этой истории, но ненавидел Андреаса сильнее прежнего.

Антонис давно уже смирился с тем, что потерял Анну, и любовь постепенно уступила место неприязни. Тем не менее он чувствовал, что обязан присутствовать на ее похоронах. Проститься с Анной собралась вся Плака, а учитывая, как близки были семьи Анны и Антониса, у того просто не осталось выбора.

В течение нескольких изнурительных часов ему пришлось наблюдать, как плачут над открытым гробом деревенские женщины. Антонис не смог удержаться от искушения и помимо воли в последний раз взглянул на восковое лицо женщины, которую когда-то любил.

Это были необычные похороны. Жителям Плаки редко доводилось испытывать столько горя, смешанного с ужасом. Некоторые старики еще помнили вендетту полувековой давности, когда была убита целая семья, но с тех пор ничего подобного в этих краях не случалось.

«Неужели на долю одной семьи может выпасть так много несчастья?» – спрашивали себя участники траурной церемонии. В один и тот же день младшая дочь словно восстала из мертвых, возвратившись со Спиналонги, а старшая – покинула мир живых. Большинство не видело связи между этими двумя событиями, и люди явно были встревожены таким

совпадением.

После замужества Анна покинула Плаку и почти десять лет прожила в имении Вандулакисов. Однако в деревне, где молодая женщина провела свое детство и юность, ее по-прежнему помнили. Гиоргоса любили все без исключения жители деревни, а также с теплотой вспоминали его покойную жену Элени. Мария же славилась на всю Плаку своей добротой и кротостью.

Семья Вандулакис на похороны не явилась. Ни для кого это не стало неожиданностью, но многие сочли, что Александросу с Элефтерией все же следовало послать кого-то проститься с Анной вместо себя. Ведь это их сын застрелил молодую женщину, возмущались одни, но другие понимали, что позор, который навлекла на себя эта семья, уже ничем не смыть. И даже если бы Вандулакисы пришли, все бы их сторонились.

Хотя Вандулакисам принадлежал огромный участок на кладбище в Неаполи, Анну похоронили около часовни на окраине Плаки. Это небольшое строение смотрело на море, и из него всегда была видна Спиналонга. В день похорон Гиоргос держался достойно и почти не плакал. Но в следующие сорок дней, навещая могилу Анны, он заливался горькими слезами, глядя через пролив на Спиналонгу. Теперь, после смерти, его жена и дочь оказались в пределах видимости друг друга. Гиоргос надеялся, что эта мысль хоть немного примирит его с утратой близких, но это было не так.

В течение нескольких недель после похорон Мария ни на минуту не оставляла своего отца и частенько вместе с ним смотрела на остров. Однако при этом не думала о сестре или о матери. Мария ловила себя на мысли, что была бы совсем не против вернуться. В те последние месяцы на Спиналонге жизнь была намного лучше нынешней.

Глава 6

В сотнях километров к северу от Спиналонги и залива Мирабелло Манолис тоже думал о более счастливых временах, которые закончились так неожиданно и так жестоко.

Человек, который всегда с достоинством преодолевал любые трудности, вдруг обнаружил, что у него совершенно нет сил бороться с переживаниями. Тяжелые думы накатывали на него день за днем, как волны, захлестывающие с головой. В детстве смерть забрала обоих его родителей, в более зрелом возрасте проказа лишила невесты... Но эти события почти не повлияли на него. Манолис полагал, что жизнь – это приключение, полное испытаний и опасностей. И их преодоление лишь подтверждало его теорию. Но затем в его жизни появилась Анна. Сейсмические толчки, вызванные ее потерей, следовали один за другим, не ослабевая.

Агати считала Манолиса хорошим жильцом. Он вовремя платил за комнату и всегда снимал ботинки, прежде чем войти в парадную дверь. Он следил за собой, явно был хорошо воспитан, а от его широкой улыбки у хозяйки даже слегка подкашивались ноги. Как-то утром она решила сменить в его комнате постельное белье, а заодно навести порядок. При этом Агати не смогла устоять против искушения порыться в вещах нового жильца, убирая одну из его рубашек в ящик комода. Собственно, именно это она и называла уборкой.

Сначала казалось, что все имущество Манолиса – это пара рубашек и свернутая пачка денег, засунутая в носок, но затем в нижнем ящике комода Агати наткнулась на две фотографии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.